

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВА

ПЕСОК

Наталья Степанова

Песок

«Издательские решения»

Степанова Н.

Песок / Н. Степанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831043-0

Одинокий охотник, бредущий среди мертвых руин, почти занесенных песком бескрайней пустоши. Кто он? Человек? Монстр? Он и сам не знает. Единственное, что его волнует в данную минуту, это добыча. Маленькая девочка, обладающая способностью убивать прикосновением. Знает ли она о том, на что способна? Старый ученый, изобретший способ спасти мир от природной катастрофы и отдавший жизнь за свою идею... Это — герои романа «Песок». Как они связаны друг с другом? Читайте и узнаете.

ISBN 978-5-44-831043-0

© Степанова Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I Безумный мир	7
Глава 1	7
1	7
2	8
3	9
4	10
Глава 2	13
1	13
2	14
3	16
4	16
Глава 3	19
1	19
2	21
3	22
4	23
5	24
6	26
7	27
8	30
9	30
10	32
11	33
Часть II Дневник учёного	36
Глава 1	36
1	36
2	36
3	37
Глава 2	39
1	39
2	40
3	43
4	44
Глава 3	47
1	47
2	47
3	50
4	53
5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Песок

Наталья Степанова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Наталья Степанова, 2023

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4483-1043-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Много тысячелетий назад, задолго до появления первого «человека разумного», на Земле жили люди. У них была своя, совершенно иная цивилизация, развитая, сильная и прекрасная в своей гармонии с окружающим миром.

И вот однажды людям было дано Знание, и с помощью этого Знания они сумели выделить из энергии Вселенной чистейшую, ничем незамутнённую частицу энергии Хаоса. Того самого Великого Хаоса, из которого когда-то родился наш мир.

И поняли эти люди, что получили силу огромную, неукротимую, и обрадовались. И стали они использовать эту частицу в своих нуждах, добывая из её недр огромную энергию, которая питала всё вокруг... Они были так ослеплены своей удачей, что не заметили, как всё построенное с помощью этой частицы стало постепенно разрушаться. И сколько бы ни возводили они заново разрушенное – всё снова обращалось в прах.

И чем больше тёмной энергии они извлекали, чем больше использовали её, тем сильнее от неё зависели. И однажды люди полностью перестали мыслить себя без Хаоса. И не понимали они, что Хаос не может служить целям Созидания, упорно продолжая играть с тёмным огнём, пожирающим их. И мир стал приходить в упадок: всё погрязло в разрухе и бесконечных междоусобицах.

И, наконец, случилось необратимое – люди утратили частичку Созидания, заложенную в них самим Создателем, которому единственному были подвластны обе эти энергии.

И Хаос вырвался на свободу, разрушая и поглощая всё вокруг. Но появились те, кто отрёкся от этой силы.

И некогда великий и сильный Род разделился надвое. И люди Хаоса, который стал для них источником жизни и смерти, и люди Созидания, которые отныне стали их врагами – схватились в великой битве. И не было в ней ни победителей, ни проигравших.

И началась война, и длилась она тысячи лет.

И, наконец, люди Созидания сумели изгнать тёмных приверженцев Хаоса из этого мира в иной, заперев их на веки вечные. И думали люди Созидания, что там Хаос поглотит их врагов навсегда.

И ничего не смогли сделать люди Хаоса, не сумели вырваться, оставшись на долгие тысячи лет запертыми во тьме, которую сами и выпустили на волю.

Но Великая Спираль Времени начинает новый виток...

Часть I Безумный мир

Глава 1

1

Охотник стоял в десяти шагах от неподвижно лежащего на боку тела девочки. Он смотрел на маленькую худенькую спину, засыпанную рыжим песком, который намел на эту внезапную преграду ветер, никогда не стихающий на пустоши. Светлые, почти белые волосы, очень длинные и удивительно гладкие, тихонько колыхались на ветру.

То, что он видел – исходящее от тела тёплое сияние, слабо мерцающее в опасной темноте – заставляло его сердце биться чуть быстрее обычного. Одинокая и окутанная невидимым саваном, она удивительным образом преображала пространство вокруг себя, и это зрелище завораживало...

На вид девочке было лет десять, не больше.

Мужчина смотрел на неё, как на нечто диковинное (и это действительно было так), но его взгляд был непроницаем. По этим глазам невозможно было понять, о чём он думает. Он уже знал, что увидит, если подойдёт ближе. Обычно охотнику не было никакого дела до того, как умирают другие: на подобное он успел насмотреться вдоволь за всю свою долгую проклятую жизнь. Но сейчас ему почему-то смотреть не хотелось.

Совсем не хотелось.

Тихо. Ни шороха в пустынной ночи. Охотник слышит своё спокойное ровное дыхание.

Её волосы соскользнули с острого плечика на песок от внезапного и резкого дуновения, открыв его взору грязную майку, слишком свободную для такого худого тела, однако, целую, без единой дырочки. Непонятного тёмного цвета штаны с ободранными снизу краями не доходили до тонких щиколоток. Они были ей маловаты: слишком сильно штанины обтягивали почти костлявые детские ноги. Обуви не было. Босые грязные ступни прижаты одна к другой. Видимо, ей было холодно. Вся её поза – поза сжавшегося в утробе младенца, прижимающего руки к вспоротому пустому животу (даже не глядя, охотник знал это) – говорила о том, что в последние минуты своей короткой и бесполезной жизни ей было холодно, больно и страшно.

Пытаясь понять, как она попала сюда, мужчина огляделся в поисках ориентиров. До ближайшего подземного людского убежища, города Урбана, ночь пути. Если без отдыха идти на восток по караванной тропе через зыбучие пески, можно успеть и за половину времени, но вряд ли эта маленькая худенькая девочка знает этот путь. Слева, на западе, выглядывая из-за горизонта, торчали искорёженные пики Семипалой горы, около которой доживали свои последние годы руины прошлого – разрушенные города, почти поглощённые красной пастью уродливой пустыни. Его собственное убежище ждало впереди, на севере, идти до него осталось всего ничего, как раз можно было успеть к восходу, до того, как солнце сначала изжарит его как нерасторопную ящерку, а потом иссушит останки в пыль. Только идти предстояло медленно, отчасти соблюдая осторожность, чтобы не нарваться на хищников, блуждающих в ночи в поисках человеческой еды, скрываясь за острыми, уходящими в небо, словно серый омертвевший лес, валунами. Отчасти из-за добычи, оттягивающей пояс увесистым грузом. На юге, там, откуда он возвращался, лежали обширные и богатые охотничьи угодья, маскирующиеся под безжизненную плоть земли. Пусть вид этой тихой черной пустыни – пустоши, как называли эти высушенные гиблые пространства люди, не обманывает вас. Неподготовленный человек

даже не успеет разглядеть смертельной опасности, подстерегающей его тут и там, за каждым валуном, за каждой дюной. И даже те, кто выбрал путь охотника для выживания в этом новом безумном мире, иногда не возвращаются.

Ареалы пустошей были населены тварями, которые не могли никому присниться даже в самом кошмарном сне. Они нападали на караваны, убивали смельчаков-охотников, которые, презрев опасность, ходили в самые дальние районы за добычей, но становились добычей сами. Всё это гигантское огненно-красное плато, медленно, но верно, съедаемое песком заживо, превратилось в одно большое поле для игры, ценой в которой была жизнь. Человеческая или иная... Делайте ваши ставки, господа. И вот, посреди всего этого кошмара она...

Надо двигаться дальше. Охотник бросил последний взгляд на детское тело: – «Пусть песок укроет тебя», – и уже собрался уйти, когда тоненькие плечи чуть вздрогнули. Мужчина снова замер, и всего на мгновение его дыхание прервалось. Эта девочка, с волосами цвета лунного сияния, которую он считал уже мёртвой, мягко перекадилась на спину...

Охотник напрягся.

Впервые за долгое время он был в замешательстве: никаких внутренностей, никакой крови. Она невредима. Она дышит и, видимо, без сознания. Ребёнок посреди пустоши, кишасей тварями, один. Живой.

Аномалия, подумал он.

Такого не бывает...

Холодный голос разума говорит оставить девочку здесь и уйти, пока не взошло солнце, но охотник уже склонился над ней и вглядывается в бледное лицо. Её одежда сильно испачкана кровью, но кровь эта явно не её.

Да, поживиться тут нечем. Но вряд ли это остановило бы голодных тварей... И всё же, он был уверен, что глаза его не обманывают. Охотник много раз встречал людей в пустошах, и всегда исход был предсказуем – рано или поздно все они умирали от зубов или когтей монстров. Ей чертовски сильно повезло.

Ноги будто приросли к земле. Забрать её с собой? Исключено. Он всегда был один. Но тело его не слушается.

Прямо сейчас встань и иди. Двигайся, чёрт бы тебя побрал!

Он почти физически ощущает, как уходит время, приближая смертоносный рассвет. Но ещё раньше их могла найти какая-нибудь заблудшая тварь, решившая устроить себе поздний ужин. Хотя, он знал, что в предрассветные часы они все прятались по норам, скрываясь от солнца, как и люди.

Он буквально чувствует, как утекает драгоценное время, пока он сидит здесь посреди чёрной пустыни, приросший к земле словно истукан.

Охотник тихо подхватил девочку на руки и перекинул лёгкое тельце через плечо.

2

Звуки... Они доносятся как будто издалека.

Вязкая темнота обволакивает сознание как патока, и из неё невозможно выбраться. Разноцветные пятна, приглушённые, нечёткие, плывут, перекатываясь, переливаясь, одно возникает из другого и сливается с третьим.

Мина расслаблена, она летает в море цветов, мягко касающихся её, медленно раскачивается словно маятник. Девочка что-то чувствует, но ощущения такие далёкие, как будто это происходит не с ней. Но сладкие бессознательные видения становятся бледнее, и вовсе исчезают, уступая место бездонной черноте. Звуки становятся громче, ощущения резче, сильнее.

Её тело дёргается, и она ненадолго приходит в себя, открывает глаза, ощущая усталость и боль.

Она не может полностью открыть глаза: тяжёлая тёмная пелена давит на них, заставляя веки снова сомкнуться. Из всех сил отгоняя сонливость, она приоткрывает глаза, но не может ничего разглядеть.

Мина чувствует, как её кто-то (*что-то*) держит. От страха измученное сердце пытается куда-то упасть, хотя она понимает, что висит вверх ногами. Нет.

Головой вниз.

Нос стучается обо что-то теплое и твёрдое. Девочка с трудом понимает, что её куда-то несут. Она слабо шевелится, пытаясь вырваться, но *оно* держит её крепко, и все попытки бесполезны. Это очень плохо.

Страх сковывает её, и она замирает. Она боится, что ей сделают больно, что её... (*разорвут на части*) съедят. Как всех остальных. Она всхлипывает, но звука нет – горло пересохло, и голос не слышится. Только внутри всё сотрясается от слабых рыданий, на которые уходят последние силы.

Смерть. Она никогда не понимала весь её ужас, но сейчас, кажется, поймёт...

Остатки разума померкли. Тьма снова заполнила всё вокруг.

3

Охотник не понял, что она пробормотала – что-то очень тихое. Девочка начала шевелиться, пытаясь освободиться от его хватки, но попытки эти оказались столь слабыми и недолгими, что он предпочёл не обращать на них внимания.

Ей было нехорошо, это очевидно, но, по сравнению со скелетом, торчащим из песка, который проводил охотника бесстрастным взглядом пустых иссушенных временем глазниц, она чувствовала себя просто великолепно.

Он решил для себя: если девочка окажется не настолько сильной и умрёт, он оставит её где-нибудь и, как и прежде, продолжит свой путь в одиночестве.

И на кой чёрт я связался с ребёнком...

Он посмотрел на огненную полоску неба на востоке. Слишком много времени он потратил, и теперь не успеет в бункер вовремя – придется коротать день в норе. Под землёй на такой глубине, чтобы раскалённое солнце чуть согревало землю внутри, есть небольшие убежища. Охотник называл их норами. Ими была усыпана вся пустошь. Какие-то из них он обнаружил случайно – высохшие колодцы, ушедшие под землю дома, какие-то потом вырыл сам. Широкими шагами охотник сокращал расстояние до ближайшей норы, скрытой от непосвящённых где-то в песках.

Такие временные убежища были спасением от палящего солнца, которое без стыда выжигало землю каждый день. Только он один знал об их существовании... до сегодняшнего дня. Охотник снова перевел взгляд в сторону неподвижного тельца, перекинутого через плечо. Уже слишком поздно избавляться от неё...

Спина нагрелась сквозь ткань плаща, которую осветили первые отблески встающего солнца, но не это сейчас волновало охотника. Странное покалывание всё быстрее распространявшееся по левой половине тела, постепенно превратившиеся в лёгкое жжение, беспокоило охотника куда сильнее жары и усталости. Вскоре левую половину тела начало жечь как огнём.

Всё это ему чертовски не нравилось.

Дважды он останавливался, чтобы перетерпеть волну неприятной боли и подумывал всё же оставить девочку. По крайней мере, смерть на солнечном костре была бы достойнее гибели от когтей тварей...

Он снова остановился и, надвинув широкополую шляпу на глаза, обернулся туда, где всё светлее становилось небо.

Чёрт, как же жжёт.

Ноги вновь понесли его вперёд, а рука крепко держала худое обессиленное тельце.

4

Девочка больше не шевелилась. Она спала или, скорее всего, просто снова отключилась, и охотник счел это благом, поскольку это на время избавило его от сложностей. От слов, от мыслей. От вопросов, ответов на которые он не знал, и не хотел знать.

Почему-то ему сразу не пришло в голову, что она обязательно захочет поговорить. Захочет узнать, где она, как она тут оказалась. Ведь для людей это нормально – природное любопытство. Теперь он понимал, насколько отвык от людского общества. Насколько привык быть один.

Охотник уже видел красивый гладкий валун в форме пули, за которым ждёт заветная нора. Время поджидает, не только из-за восхода солнца, но и из-за необходимости принять лекарство, чтобы унять это адское жжение...

Словно уловив его мысли, левая рука дёрнулась. Он подавил стон, боясь потревожить ребёнка, только сжал руку в кулак. Нужно как можно скорее добраться до норы. Там он разберётся с этим. Там он подумает, что делать с ней.

Дети – жуткие существа, насколько он помнил. Он предпочёл бы сразиться с парочкой Хамелеонов, чем так коротать время. Как сражаться и убивать тварей, он знал прекрасно, а вот что делать с детьми...

Охотник на секунду прикрыл глаза, стараясь не замедлять шаг: он чувствовал, как рубаха прилипла к пульсирующей от боли коже. Как волны чёрного огня растекаются по левой руке, поднимаются к плечу и пожирают шею, пытаясь лизнуть мочку уха и дотянуться до щеки. Сердце гулко ударялось о стенки грудной клетки, на которой можно было жарить еду, так сильно там жгло, и не только кожу, но и всё внутри, пронизывая нутро раскалёнными иглами, пытающимися достать до мотора. Так плохо ему еще не было, даже если он не принимал лекарство в срок, а ведь с последнего приема не прошло и суток.

...ни одной дырочки на одежде, ни одной царапины, ни порезика... ни единого повреждения...

ты боишься?

Его губы сжались в одну жёсткую бледную линию.

Но ты же испугался, правда?

Где-то внутри него противный скрипящий голос смеялся над ним.

Он ненавидел этот голос, возникающий в самые неподходящие моменты. Пользуясь его немощью, пронзая мозг до самых глубин, он не унимался, пока не выводил его из равновесия. Но не в этот раз...

Только не сейчас

Боль и дурнота уже сводили его с ума. Охотник отстегнул добычу от пояса, чтобы туши, на каждом шаге бьющие по ногам не тормозили его, и выбросил их в сторону. Хорошо еще, что он отправился на охоту для себя, а не для обмена в городе, тогда улов был бы гораздо больше, и избавляться от него было бы жалче.

Когда балласт был сброшен, идти стало легче. Он торопился спуститься вниз и поскорее избавиться от ноши, ставшей вдруг слишком тяжёлой.

Мысли путались, в глазах всё расплывалось, из груди вместе с дыханием вырывались хрипы. Наконец через несколько он достиг цели. Мужчина ногами рыл песок в поисках укрывавшей спуск в нору старой циновки и обнаружив её, отшвырнул в сторону. Рукой обхватив девочку крепче, он спрыгнул вниз на небольшую ступеньку. Циновка снова укрыла вход в нору. Охотник соскользнул со ступеньки и преодолел последние метры вниз до спасительной прохлады норы.

Приземлился мягко. Даже при отвратительном самочувствии тело слушалось. Эта мысль обрадовала его как никогда.

Он прошёл в сторону от спуска вглубь укрытия.

Внизу было темно и прохладно, но к концу дня, здесь будет жарко как у чёрта на сковороде. Он положил девочку напротив, около земляной стены, а сам тяжело опустился у противоположной. Сразу стало легче дышать, холод еще не прогретой земли даже через два слоя одежды приятно остужал горящую кожу.

На поверхности, лучи, освободившиеся от плена ночи, наконец, прорвали завесу горизонта и обожгли землю и то, что на ней ещё осталось.

успел...

Охотник облегчённо выдохнул. Одной рукой он развязал узел на затылке. Ткань, закрывающая его лицо от песка и пыли, оставляя открытыми только зоркие глаза, упала на пол, устеленный потрепанной от времени циновкой. Полностью открыв лицо, охотник глубоко вдохнул прохладный, пахнувший пылью и сыростью воздух, стараясь сделать это как можно тише. Длинный тёмного цвета плащ он решил не снимать: не хотел, чтобы девочка увидела кинжал, который он не выпускал из руки, с тех пор как впервые прикоснулся к ней. Тонкие тканевые перчатки и шляпу он тоже решил оставить.

Левое плечо снова пронзила боль.

чёрт тебя дер...

Он беззвучно стиснул зубы, пристально смотря на девочку, и, наконец, выпустил оружие из рук.

Из глубины тканевой сумы, перекинутой через плечо длинной верёвкой, он выудил склянку и старый шприц. Охотник воткнул иглу прямо сквозь ткань, не заботясь о дезинфекции, и мгновенно почувствовал, как мутная жидкость вливается по венам в его тело, смешиваясь с кипящей кровью и принося долгожданное облегчение. Он позволил себе расслабиться на пару мгновений, но рефлекс охотника вернули его в реальность. Он быстро сложил вещи обратно в суму, а его ладонь снова легла на рукоять кинжала.

С восходом солнца в норе стало теплее и светлее.

Жжение в руке, наконец, стихло, и боль, пронзавшая левую половину, ушла, но на душе остался неприятный осадок. Новые ощущения тревожили его – это могло быть новым симптомом пожирающей его болезни. Охотник знал, что этого не миновать, и со временем ему будет только хуже, ведь лекарства, которое исцелило бы его полностью, не существует. Он может только оттягивать конец, сдерживая приступы с помощью одного средства, которое нужно колоть постоянно с промежутком в день.

Такая удачная охота, а закончилась хреново, подумал он. Мужчина потёр ладонью лицо и уныло посмотрел в дальний угол, где лежала девочка.

Он был недоволен собой. Надо было пройти мимо и забыть это всё как странное видение. Откуда вдруг взялось это дурацкое навязчивое желание забрать её?

Маленькое лицо с правильными тонкими чертами, большие глаза, белки которых разглядывали что-то во сне, вращаясь под веками. Ресницы коротко подрагивали. Тёмные, густые. Тоненькие ручки сложены ладонями друг к другу, голова лежит на них, ноги поджаты к груди. Бледно-розовые губы чуть заметно шевелились, иногда их трогала лёгкая улыбка, будто во сне девочка увидела что-то приятное. Между тонких бровей иногда появлялась морщинка, но быстро исчезала, и лицо девочки снова становилось умиротворённым.

Наверняка у неё где-то есть какая-то родня... или те, кто за ней присматривал... Или проще отдать её караванщикам? Уж эти ребята знают, куда пристроить лишние рабочие руки, а ему лишние припасы не помешают. Сколько могут за неё дать? Пару мешков патрон вполне сгодились бы. Только надо бы её чуть подкормить, и она вполне сгодится для какой-нибудь работенки в Урбане.

Ладонь оставалась на рукояти кинжала. На всякий случай.

Глава 2

1

По хорошо освещённому тоннелю двигались несколько фигур. Свободные штаны, робы из грубой ткани одинакового серого цвета, сверху тёплые жилетки, они все были словно копии друг друга – одинаково старые, прожившие свои жизни, но пока не спешащие покинуть этот мир. Одинаково худые: ограниченный овощной паек не позволял есть вдоволь. Одинаково мрачные, опустившие свои сморщенные, изрезанные серыми морщинами лица, чтобы не видеть друг друга. Остатки длинных седых волос на затылках, превратившиеся в белый лёгкий пушок, колыхались от сквозняка.

Звуки, отражаясь от стен, эхом проносились по всей длине перехода. Тихие шаги мягкой старой обуви и шуршание ткани слышались далеко впереди. Спустя мгновение они оказались в круглой зале, заполненной людьми. Один из вошедших старцев отделился от группы и направился к возвышению, которым служила уже почти рассыпавшаяся от времени кафедра.

Глубоко посаженные глаза старика были скрыты ото всех в полумраке зала, отчего его лицо представлялось бледным черепом. Он медленно оглядел всех присутствующих. Сотни глаз были устремлены на него в ожидании его слова. Сотни пустых, ничего не выражающих глаз. Говорить всю правду он не мог да и не хотел.

«Нельзя накормить паука, не убив бабочку», пронесся в мыслях шёпот его умирающего предшественника. Он запомнил эти слова на всю жизнь, и они, как проклятье, с тех пор довлеют над ним, заставляя его каждый раз оказываться меж двух огней. В этот раз он сам сделал выбор, кому быть бабочкой, и проиграл. Бескровные тонкие губы чуть дёрнулись на морщинистом лице, сухие руки сжались в подобие кулаков. Он проиграл бы в любом случае, подумал старец, но это не принесло ни толики облегчения.

Он никак не обратился к пастве.

– Вот уже несколько веков мы верно служим Высшим Созданиям. И сейчас Они как никогда близки к осуществлению нашей общей цели, однако... однако трудности возникли на нашем пути, – в зале раздался испуганный шёпот. Дряхлая рука поднялась над головой, призывая к тишине. Ему хотелось поскорее выговорить заученный текст и удалиться к себе в покои.

Старик продолжил.

– Нам стало известно, что город отступников разрушен... Погибших много, но еще больше похищенных. Мне прискорбно осознавать, что мы не смогли полностью удовлетворить их... нужды, – голос старика дрогнул. Он сжал до скрипа свои истертые зубы, понимая, что произносит с трибуны чудовищную ложь, но по-другому он поступить не мог. Он был слишком стар и слишком слаб, чтобы бороться против системы. Слишком поздно он понял её суть, всю её подноготную... – И Им пришлось взять силой то, что не дали Им мы. Впредь мы не должны допускать подобных ошибок, иначе Они поймут, что более в нас не нуждаются. Мы не можем подвергнуть опасности Хэвен! – Это было единственной искренней вещью, которую он произнес с кафедры.

Старик окинул собравшихся взглядом пожелтевших глаз.

– В самое ближайшее время необходимо собрать новую партию материала, и впредь не подводить Их. Помолитесь же, братья, помолитесь истово! О том, чтобы не повторилось более то, что случилось.

Чтобы никто больше не погиб так страшно Чтобы больше никто не погибал

– Чтобы не усомнились в нас Высшие, чтобы не отринули верных слуг Своих. Чтобы и впредь Хэвен находился под Их защитой и служил спасительным оплотом всем праведным и смиренным...

Последнее слово он произнёс с трепетом истинно верующего человека, но в глубине его дряхлой души уже очень много лет тлело отрицание. Старик сложил руки и стал произносить молитву. Весь Хэвен, как единый организм, в эту самую секунду замер и смиренно склонил голову в молитве, и только шёпот тихим эхом разносился по многочисленным туннелям подземного муравейника, растворяясь в его прохладном очищенном воздухе...

2

Хэвен – один из двух подземных городов-убежищ, вырытых рядом очень-очень давно, в незапамятные времена, когда на земле текла вода и росли деревья – был первым местом, куда стекались все выжившие после великой катастрофы. Благодаря усилиям Служителей город постоянно рос; росло и число туннелей, соединяющих один его конец с другим. Старые хорошо освещённые проходы продолжались новыми, которые постоянно рылись, уходя вглубь и вширь, еще и еще расширяя пространство огромного города-муравейника.

Каждая часть Хэвена имела своё специальное предназначение: на юге располагалась громадных размеров Оранжерея. Чтобы прокормить всех жителей города, все силы были брошены на то, чтобы в овощах, росших там, прямо под землёй, не было недостатка. В оранжереях было сосредоточено больше всего тепловых генераторов, работающих от солнечной энергии, в которой теперь не было недостатка; самое большое число пробуренных колодцев и самое большое количество рабочих: они добывали воду из подземных колодцев, они ухаживали за посевами, они поддерживали температуру, они были самыми трудолюбивыми людьми во всём Хэвене.

На западе работала Мастерская. Здесь выполнялись самые разные работы от пошива одежды до изготовления лекарств и запчастей для техники. Здесь трудились из ночи в ночь самые просвещённые люди Хэвена. Они постоянно следили, чтобы древние агрегаты продолжали работать на благо города.

Север был отдан под Апартаменты – большие комнаты, в которых стояли кровати, а кое-где на пол были просто набросаны матрасы. Мужчины и женщины, старики и дети – спали все вместе, вповалку. Никто ни от кого не скрывался, и не было в Хэвене места, которое укрылось бы от всевидящего ока Служителя.

Зал, самое маленькое помещение города, где сейчас множество губ смиренно шептало слова молитвы, располагался на востоке.

Они закончили произносить молитву, и на секунду во всём Хэвене повисла звенящая тишина, нарушаемая гудением тока в проводах, которые словно черные змеи, увилив собой лабиринты тоннелей.

Старец стоял на возвышении, склонив голову и закрыв глаза. Именно в такие моменты, думал он, этот город сбрасывал маску лицемерия и становился самим собой – безмолвным склепом, наполненным призраками... Люди звали его Служителем, даже не понимая смысла этого слова. С самого раннего детства старшие воспитывали его для этой цели, как готовили Служителей до него, и как будут готовить после, если... если всё останется на своих местах, в чём он сомневался. Слишком много неясных событий произошло в последнее время, слишком много пугающих слухов. Равновесие ещё сохраняется, но оно настолько шатко, что он едва ощущает его.

Страх, поселившийся внутри и пожирающий его сердце, словно раковая опухоль, шептал: скоро снова произойдёт взрыв. Взрыв такой силы, что уцелеют в нём немногие, и им будет уготован ад на земле... Человечество угасает. Скоро снова пробьёт час Смерти, как пробил уже однажды, много столетий назад.

В день, когда пришла Смерть, люди поняли, что они покинуты. Их добрый старый бог встал со своего трона и ушёл, бросив всё человечество умирать в муках.

И тогда появились Они. Одни назвали их Высшими Созданиями, другие – чудовищами и тварями, но исход был один – Они стали новыми богами проклятого мира.

Хэвен избрал для себя безопасный путь полного подчинения в обмен на защиту. Это была сделка с дьяволом, заключив которую, люди навсегда обрекли себя на роль бабочки в бесконечной схватке с ненасытным пауком. Целые поколения Служителей стали воспитываться в Хэвене. Они олицетворяли собой защиту и спокойствие и гарантировали мирную жизнь жителям города, исповедуя религию подчинения или, как потом это стали называть, смирения. Статус Служителя приравнивался к высшему статусу, и каждый, кто проходил обучение и следующее после него испытание, автоматически становился главой города. Именно этот человек поддерживал контакт с Высшими одним ведомым ему способом и следил за неукоснительным выполнением условий договора.

Старец, Маркус Седой, нынешний служитель мирной цитадели Хэвен, стоявший сейчас перед своими подопечными, уже готовился уйти на покой.

Он прекрасно понимал, что людям никогда не избавиться от гнёта Высших, что Они – стервятник, раз за разом выклёвывающий печень у Прометея, только в отличие от древнего как сам Мир мифа, «печень» Хэвена не так быстро восстанавливалась. Последние полвека своего служения Маркус Седой стоял перед выбором: смерть немногих или гибель всех, и каждый раз, ненавидя и проклиная себя, отдавал приказ готовить новую партию человеческих жертв на отправку в Их логово, прекрасно понимая, что смерть немногих это такая же гибель всех, просто растянутая по времени... Все люди были обречены с самого первого дня, но сохраняли свои жалкие жизни, потому что Им было это нужно – Маркус осознал это слишком поздно.

Каждый раз с ужасом он заглядывал в глубины отверстой ненасытной паучьей пасти Высших и каждый раз пытался выбрать самую маленькую, самую жалкую бабочку, чтобы ненадолго усмирить паука, унять его бесконечный голод. И еще на чуть-чуть, хоть еще немного отсрочить беду, спасти жителей города, не подозревающих об опасности, которая нависла над ними, выторговать им еще немного времени, совсем немного... Жалкое оправдание, но другого у Маркуса не было, и он прятался за ним как за тонким, дрожащим на ветру листком.

Хэвен им больше не нужен...

Старец вздрогнул. Эта мысль теперь постоянно крутилась в мозгу, она вцепилась в него словно заноза. Она причиняла боль. В последнее время он жил в постоянном беспокойстве, которое только усиливалось.

Какие они все заблудшие... и как я виноват перед ними. Виноват перед всеми, и никогда мне уже не искупить своей вины. Они не знают, что это нападение полностью на моей совести...

По глупости своей (как я корю себя за это!!!) я дерзнул торговаться с ними. Как самоуверенно говорил я, так и не поняв, с кем имею дело! Как глупо я себя вёл, бросив им в лицо эти обвинения... Как я посмел сказать им, что они нуждаются в нас, как мы нуждаемся в воде. Как я посмел раскрыть им, что знаю всё о них? Старый я болван...

Я же хотел, как лучше. Я лишь хотел, чтобы они не забирали так много. Так много... но ведь, рано или поздно, это случилось бы...

Они взяли, что хотели, и прекрасно обошлись без помощи своих верных вассалов. И это он вынудил Их делать всю работу Самим, и его приемники, и все остальные тоже понимали это. Маркус видел хищные бездушные взгляды ближайших учеников, которые один сильнее другого желали получить заветное место Служителя. Они не простят ему этой ошибки... Уж они расстараятся для Высших, даже если это будет грозить Хэвену вымиранием.

Тишина покоев окутала его, немного уняв беспокойство. Ещё один день подходит к концу и наступает новая ночь. Он боялся думать о том, что она принесёт.

И чем больше он думал, тем истовее проклинал свою слабость и молился о прощении. Не обращая внимания на ноющую боль в старых коленях, на которых стоял, сильно сжав кулаки, так что кровь совсем перестала поступать к сухим холодным пальцам, а тонкая кожа натянулась на них так, словно грозила треснуть.

Если Высшие и впредь станут забирать то, что Им нужно в обход него – дни Хэвена сочтены.

3

Под огромной дырой разрушенного купола неподвижно стоял немолодой, но крепкий для своих лет мужчина. Его глаза, некогда теплого медового цвета, горящие огнём уверенности, теперь потухли и недвижно смотрели на восток, где слепое Солнце поднималось из-за рыхлого горизонта. Это были глаза человека, внутри которого что-то умерло.

Он стоял, сложив руки за спиной, в тени, где убийственный взор небесного властелина не мог обратиться к нему. Солнце жадно шарило по поверхности земли своими лучами, пытаясь найти чудом уцелевшую крупницу жизни и уничтожить её, как и всё остальное...

Мир преобразился до неузнаваемости. Некогда кипевшая людскими заботами поверхность превратилась в мёртвую землю, на которой нет ничего. Руины городов, когда-то отчётливо видневшихся вдали, занесло песком и пылью. Они стали казаться миражами, порождёнными воспалённым мозгом безумца.

Огромные обломки-валуны, отполированные ветром и песком на протяжении веков, только и остались ещё на поверхности. Они торчали, равнодушные, серые, как могильные камни, в память прошлому. В память о мире, где люди жили, не задумываясь о том, что может произойти завтра, когда они не боролись за выживание каждый день.

В память о мире, которому пришёл конец два столетия тому назад.

Из груди человека рвался стон, всё хуже подавляемый с каждой минутой. Ему хотелось пробиться сквозь грудную клетку и пронзительным звуком выйти через горло, разбивая безмолвие пустыни на тысячу мельчайших осколков. Мышцы ног уже были готовы перенести его через груды обломков под дырой купола. Гнев застилал остатки холодного разума, внутри него всё кричало и выло. В какую-то страшную секунду он почти решился выбраться из спасительной тени, чтобы, наконец, предстать пред этим Чёрным Оком. Чтобы заглянуть Ему прямо в Его тёмную страшную душу и выкрикнуть всё, что накопилось, так громко, чтобы этот проклятый бог услышал его. Чтобы понял всю силу боли и ненависти, клокотавшие в сердце...

Но он продолжал стоять в тени, понимая, что этот порыв лишён смысла. Понимая, что это только заставит Его усмехнуться и испепелить маленького человечка как букашку в своих лучах.

Он сжал кулаки, так что ногти впились до крови в огрубевшую кожу.

Лукас, глава подземного города Урбана, встречал кровавый рассвет нового дня.

4

Урбан стонал. Он был похож на один большой комок боли. Раненые, убитые и просто фрагменты тел лежали повсюду.

Первые четыре этажа были уничтожены: там не осталось ничего, кроме куч обломков и трупов. Эта часть подземного города умерла вместе с её обитателями. Этжами ниже царил хаос, люди носились, искали кого-то, кричали, стонали. Другие, в противоположность первым, часами сидели на одном месте, застыв словно статуи. Многие сидели прямо на трупах, в лужах крови, не замечая ничего вокруг. Их толкали, пинали, на них наступали, но ничто не могло

потревожить их. Внутри них царил Пустота, бесконечная, гнетущая, а за ней прятался страх, настолько сильный, что, если его выпустить на волю, то можно сойти с ума.

Глубже под землёй ещё сохранялся какой-то порядок, но терпение людей истекло. Все хотели услышать ответы на свои вопросы. Что произошло? Почему они напали? Сколько погибло? Бесконечная вереница вопросов, ответов на которые пока никто не знал.

На последнем девятом этаже под землей в маленькой комнате, освещаемой одной тусклой лампой, находились несколько человек. Руководство Урбана собралось для обсуждения ситуации.

Стремительное нападение. Наглое и настолько мощное, что вся вооружённая до зубов охрана города ничего не смогла им противопоставить. Сила тварей чудовищно возросла, и это испугало даже выдавших виды поселенцев, которые отразили на своём веку не одно нападение.

Они оставили трупы мужчин и забрали женщин и детей.

Непростительно!

Лукас не мог оставить действия тварей без ответа, но идти войной против них всё равно, что совершить самоубийство. Кровь стучала в висках от еле сдерживаемого гнева, за которым пряталось отчаянье. Руки до боли сжимались в кулаки от желания собственноручно порвать на куски каждую тварь, всех до единой. Стальные, покрытые красной сетью воспалённых капилляров, глаза Лукаса сузились.

– Как посмели чёртовы дьяволопоклонники натравить армию этих выродков на нас?! – Взревел глава города. Щёки и лоб от бешенства стали багрового цвета, лиловые вены вздулись на шее.

Лукас грохнул массивной тёмной рукой по столу. Все собравшиеся молчали, никто не смел нарушить тишину. Здесь были все его ближайшие помощники: Виктор, ответственный за охрану и наблюдение за порядком на верхних этажах, Андрей, главный мастер, старая Джина – глава госпиталя, и еще несколько человек – старшие по этажам, кто не погиб в бойне. Всего набралось восемь человек, не считая самого Лукаса. Кое-кто из старших сам был ранен, но, несмотря на это, все они спустились вниз, когда позвал Лукас. Не заставили себя ждать и перепачканный кровью убитых и раненых Виктор, и Андрей, мрачный, как всегда молчаливый, на ходу вытиравший бурые руки пропитавшейся насквозь и ставшей такого же цвета тряпкой.

Несколько минут Лукас стоял неподвижно, не произнося ни слова, только оглядывал пришедших, всматриваясь в их глаза, застланные у кого отчаяньем, у кого ненавистью. Он раскачивался взад-вперед, будто собираясь с силами для новой гневной тирады. Его люди сделали всё, что могли для устранения последствий нападения, и их вины в случившемся нет. Раненые доставлены в лазарет, и им уже оказывается помощь, Джина позаботилась об этом. Убитых сложили друг к другу в одном месте теперь уже руин верхних этажей, чтобы следующей ночью перед самым рассветом, когда хищные твари попрячутся в норы, вынести их на поверхность и возложить на солнечный костёр, а после заката погрести останки рядом с городом со всеми почестями.

Рабочие, уборщики и торговцы с верхних уровней, все кто выжил и не утратил разум, продолжали разбирать завалы и оказывать помощь выжившим, а охотники, караванщики и всякий сброд разбежался кто куда еще в самом начале нападения. Все были заняты делом, скорбным, но крайне нужным.

Только что делать с теми, кто остался жив, но не пережил кошмара? Что делать с их искалеченными душами? Лукас почувствовал, как гнев уступил место страшной усталости, навалившейся на него и лишившей остатков сил. Мужчина тяжело опустился на потемневшую от времени скамью, иногда служившую ему и кроватью, и уронил внезапно отяжелевшую голову на руки. Его тихий голос раздался в тишине комнаты:

– Сколько людей погибло... и ради чего...

Никто ему не ответил, они сами хотели бы узнать ответ на этот вопрос.

– Нужно выяснить, сколько погибло... организовать вынос тел, – Лукас поднял голову, в глазах, казалось, отразилась вся усталость мира, – Вик, займись подсчетом и записью погибших. Андрей, проследи, чтобы завалы разобрали как следует, почини всё, что можно починить, восстанови всё, что восстановить необходимо. Старшие по этажам: Карл, Мария, Яги, Лео, Пэт... – он называл имя и взор его обращался на них. Глубокий, но всеми уважаемый старик Карл с неизменной самокруткой в зубах, сгорбленный, но крепко сбитый, главный восьмого этажа. Джун, суровая женщина без одного глаза, с полностью седыми волосами в свои тридцать с небольшим лет, строгая, но справедливая старшая четвертого этажа. Яги и Лео, соседи по этажам, за ними были шестой и пятый этаж, два брата-близнеца, уже перешедшие рубеж старости. Они были старше Лукаса, но глубоко уважали главу города и беспрекословно ему подчинялись. Яги висел на плече Лео, поддерживаемый братом, лишившийся в бойне правой ноги. Пэт, женщина, родившая пятерых детей, раненная, с перевязанной головой, но не в пример Яги, целая, старшая полуразрешенного теперь четвертого этажа. На них смотрел Лукас, и сердце его щемило. – Вам надо успокоить народ.

Внимательно выслушав приказ Лукаса, все участники совета удалились.

Он остался один. Наедине со своей болью.

Глава 3

1

Мина полностью пришла в сознание. Туман, окутывающий разум исчез, голова наполнилась вопросами, а сердце – страхом. Девочка приоткрыла один глаз. Зрение сфокусировалось, глаза привыкли к темноте, и она смогла разглядеть тёмную фигуру напротив.

Это человек?

Она вспомнила, что кто-то держал её и вроде бы куда-то нёс.

Незнакомец сидел, привалившись к стене. Лица не видно, его закрывает шляпа. Полы плаща раскинулись около его согнутых ног. Он молчал и не двигался. Может, он спит? Ещё некоторое время она наблюдала за ним, но человек так и не пошевелился.

Точно, спит.

Девочка немного расслабилась и решила осмотреться. Ладонью она провела по циновке на полу. Подогнув ноги, Мина села и дотронулась рукой до земляной стены. От прикосновения пальцев горстка земли осыпалась на циновку. Земля была тёплой и приятной на ощупь, мягкой, не такой, как сухой песок снаружи.

Они под землёй, поняла девочка.

Незнакомец по-прежнему не двигался.

Охотник наблюдал за ней из-под полей шляпы, пальцы чувствовали рукоять оружия.

Если он хочет избавиться от этой маленькой худой проблемы, надо выяснить, откуда она, хотя, вариантов было немного. Урбан был ближайшим отсюда городом. Он часто обменивал там свою добычу на необходимые товары.

Значит, надо привести её туда и оставить. Кто-нибудь из местных увидит её и передаст кому-то, родным или... Без разницы. Дело будет сделано. Он решил не дожидаться её вопросов и нарушить тишину первым. Это далось ему очень нелегко.

– Ты из Урбана? – Услышал он хриплый голос незнакомца.

Человек обратился к ней неожиданно. Голос, низкий и хриплый, заполнил нору.

Она вздрогнула и медленно повернула голову, как будто готовясь увидеть что-то страшное. Спинай она ощутила мурашки. Страх цепкими коготками впился в желудок, девочка почувствовала дурноту.

Урбан...

Мина застыла, ничего не ответив. Ком подкатил к горлу, слёзы навернулись на глаза, девочка вжалась в стену позади и обхватила колени руками.

Из-за поднятых коленей послышались всхлипы.

О, только не это...

Он решил не останавливать её, не успокаивать, рано или поздно запас жидкости иссякнет, и она прекратит реветь.

Охотник размял пальцы, кожа под перчатками прела от жары, но он не решался снять их, помня о новых неприятных симптомах. Мужчина понимал, что девочка не может причинить ему вреда: по её габаритам не скажешь, что она обладает силой, к тому же он хорошо видит в темноте, и его реакция молниеносна. Словом, если это маленькое существо задумает что-то... нехорошее, то скорее пострадает само, прежде чем успеет нанести вред.

Однако меры предосторожности он соблюдает всегда, независимо от ситуации. Быть может, благодаря этой привычке, он до сих пор топчет эту проклятую землю.

Наконец всхлипы прекратились, Мина вытянула тонкие ноги вперёд, почти коснувшись его сапога, и утёрла ладонью слёзы, размазав засохшую грязь по лицу.

– Ты спас меня? – Девочка взглянула на него наивными детскими глазами, в которых сквозила совсем не детская боль, – как тебя зовут?

Он не назвал ей своего имени. Отчасти из-за того, что не считал нужным это делать, отчасти из-за того, что почти забыл его. Никто не просил его называть своё имя уже очень давно.

Молчание затянулось, девочка ждала ответ на свой вопрос и, похоже, совсем забыла, о чём её спросил он.

– Ты из Урбана? – Повторил он, и она неуверенно кивнула.

Хорошо, одной проблемой меньше.

– Спи, ночь не скоро, – сказал он и надвинул шляпу на глаза.

Какими бы жесткими ни были меры предосторожности: если он не сможет поспать днём – не сможет выжить ночью.

Девочка смотрела на человека в плаще сквозь пелену слёз, вот-вот снова грозящих перелиться через плотины век. Она больше не ощущала страха, но теперь её сердце разрывалось на части от обиды. Папа всегда учил её никогда не уходить из города. «Пустошь не место для таких маленьких девочек как ты», говорил он, потом подмигивал и трепал её по голове.

Она обижалась – она-то не считала себя маленькой. Но на Пустошь всё равно не ходила. Папа...

Мина прерывисто вздохнула, набирая в грудь воздуха, будто ей нечем было дышать.

Своим детским умом девочка понимала, что незнакомец спас её, не дал пропасть, значит, он не причинит ей вреда, раз уж до сих пор не причинил. Значит, он не страшный, и теперь можно не бояться.

В горле скребли кошки.

– Пить... – прошептала она, глядя словно сквозь него.

Охотник вздохнул и достал флягу из-за спины. Он бросил её девочке, но она не поймала, даже не попыталась, и фляга плюхнулась рядом с её ногой, тихо булькнув.

Вот она видит лицо отца, добродушное, улыбающееся, с густой седой бородой.

Вот она видит, как закрывается дверь на лестницу, ведущую на поверхность. Она плачет. Они оставили его лежать там. Одного. Почему он не встаёт? Почему не идет к ней?! Рыжеволосая женщина, Риган, кладет шершавые теплые ладони ей на плечи, наклоняется к её уху, обдавая его теплом дыхания. Она говорит, что папа ушёл и больше не вернётся.

Он бросил меня.

Мина вздрогнула, словно очнувшись, и набросилась на флягу, с жадностью глотая уже тёплую воду. Струйки стекали по подбородку, тонкой шее, образуя на её выцветшей футболке когда-то красивого жёлтого цвета, тёмные пятна. Напившись, девочка отдала флягу обратно охотнику.

Нет... НЕТ! Это не так... он не бросил...

– Спасибо.

Он убрал флягу обратно за спину.

– Привет, дитяtko, я дядя Леон, теперь ты будешь жить со мной.

Совсем другое лицо. Костлявое. Злое. Глаза – щёлочки. Говорит заплетающимся языком, растягивая слова. Он пьян, от него плохо пахнет... Другие сказали, что он тут главный уборщик, а она теперь должна работать.

Охотник молчал. Ему было, в общем-то, всё равно, о чём она думает. Он до сих пор не понимал, почему не оставил её там, на обед тварям, как делал это с другими.

Только потому, что она ещё ребёнок?

Да какая разница, ребёнок она или нет? Он нашёл себе проблему.

Проблему со светлыми, почти белыми волосами, которая сидит напротив и пялится на него своими большими глазами.

Раздражает.

Тихий детский голос зазвучал в норе:

– Я услышала грохот и видела, как люди стали кричать, я очень испугалась. Какой-то человек схватил меня за руку, и я побежала, потом меня уже никто не держал, но я всё равно бежала, пока не почувствовала боль вот здесь, – она ткнула себя пальцем в бок, под рёбра, – я упала, было очень больно, а потом... какие-то вспышки, глаза перестали видеть от них, и... туман... пятна..., – она хмурилась, стараясь вспомнить, – я ничего не помню...

Он не просил её рассказывать, что произошло, но теперь узнал кое-что интересное. Значит, этой ночью на Урбан напали, и, судя по всему нападение было серьёзным.

Охотник задумчиво склонил голову: в последнее время он замечал странности в поведении тварей. Если раньше они нападали очень часто, то последнюю ночь или две стали какие-то странные, вялые, а один падальщик даже в сторону его не посмотрел, пробежал мимо, унося за собой шлейф вони. Мужчина еле заметно поморщился, на секунду ощутив в носу знакомый запах одного из видов хищных обитателей пустошей.

Да и сам он тоже ощущал странную активность: за последний месяц он израсходовал куда больше лекарства, чем обычно...

Значит, девчонка чудом выжила в атаке на город, смогла сбежать и не погибла на пустоши. Во взгляде охотника впервые за очень долгое время промелькнул интерес.

2

Воздух в норе заметно прогрелся, стало душно. Пробудившись от короткого сна, нарушенного жарой, охотник открыл глаза и посмотрел на девочку. Она не спала и тихо сидела, прислонившись к стене, тонким пальцем водила по пыли на полу.

Он снял шляпу. Голова была закрыта обтягивающим капюшоном, он снял и его.

Наконец Мина смогла рассмотреть незнакомца во всех деталях. Он так отличался от людей из города, что девочка разглядывала его во все глаза, со всей силой своего детского любопытства. В городе все были низкие, коренастые, словно придавленные тоннами земли, под которыми вынуждены были существовать. И грязными: с водой была напряженка, колодцев было мало, поэтому банный день устраивали не часто, в основном умывая лишь руки и лицо.

Человек, сидящий перед ней, разительно отличался от всех, кого она когда-либо видела.

Высокий, широкоплечий, одет совсем не так как горожане. Кожа на лице смуглая, волосы чёрные, длинные, блестящие, завязанные в хвост. Только пара прядок на лбу свисала до плеча. Лицо вытянутое, нос прямой, губы чуть тонковаты. На левой половине лица, от виска до губ, белеет старый шрам, заметно выделяющийся на тёмной коже. Эта белая полоса ничуть не портит его, даже наоборот, украшает. И острый взгляд красивых изумрудных глаз, прожигающий насквозь.

Охотник заметил, что девочка смотрит на него во все глаза. Хоть она и испытывает страх, всё равно остаётся ребёнком. А детям всегда всё интересно, и пусть даже у него не будет половины лица, девочка не станет от этого разглядывать его менее внимательно. А может интерес её только возрастёт.

Мурашки пробежали по его спине. Он чуть вздрогнул.

Она это заметила?

Когда он последний раз ощущал это? Когда он последний раз вспоминал, что тоже когда-то был ребёнком. Таким же, как она.

Он отогнал непрошенные мысли.

– М... меня зовут Мина, – тихо сказала она, надеясь, что он в ответ тоже назовет своё имя. Он не посмотрел на неё. Не издал ни единого звука, – ты тоже убежал из города?

Мужчина хранил молчание. Слышал ли он её вопрос? Повторить она не решилась.

– Темнеет, – произнёс он спустя минуту, – скоро двигаемся дальше.

– Куда?

Охотник не ответил, казалось, он был полностью поглощён перебиранием предметов в своей сумке.

Мина еле заметно пожала плечами. Наверное, в более безопасное место. Она не заметила, как снова задремала, а проснулась оттого, что он тряс её за плечо. Уже знакомое чувство, как нагретая плотная ткань перчатки прикасается к ней. А под тканью она чувствует сильную руку.

Она села и потёрла сонные глаза. Так долго Мина не спала ни разу в жизни: в городе, где она выросла, приходилось вставать с последними лучами солнца, а ложиться уже с рассветом. Заниматься уборкой и помогать рабочим было её обязанностью, впрочем, как и всех детей старше семи лет. Ей было восемь, и она была самой младшей в бригаде. Мальчишки не дружили с ней, а девочек в городе было совсем мало, но они не принимали в свою компанию такую маленькую, как Мина. После смерти отца, у неё никого не осталось.

Охотник уже собрался и ждал её у выхода из норы. С другой стороны от пологого спуска были ступеньки, вырытые прямо в земле, по которым они и поднялись в ночь, обещавшую быть долгой.

3

Охотник кинул циновку, прикрыв ей вход, присыпал песком, отряхнул перчатки и двинулся вперёд. Девочка поспешила за ним. Её походка была нетвёрдой, голова чуть кружилась от слабости и беспокойства. А может просто надо поесть. Когда она ела последний раз? Несмотря на обжигающий воздух, ещё не успевший остыть после захода солнца, её то и дело бросало в озноб. Что теперь будет?

Мина посмотрела на тёмную фигуру широко шагающего впереди человека. Кто он? Как его зовут? Ведь она не знала о нём ничего. Он не взял её за руку, он ни разу не оглянулся, он даже не знал, не отстала ли она. Мине стало немного не по себе, она почувствовала себя лишней. Тугой комок снова появился в горле, выдавливая из сухих глаз слезы. Обида. Мина слишком хорошо знала это чувство, чтобы спутать его с чем-то другим.

Девочка кулаками терла глаза, изо всех сил стараясь не отставать. Ведь, каким-то образом, она знала, что он не вернётся за ней, если она потеряется.

Они шли уже довольно долго. Охотник всё время двигался вперёд, никуда не сворачивая, поэтому Мина старалась смотреть под ноги, чтобы не подвернуть ногу на каком-нибудь камне. Внезапно девочка врезалась в его спину и отскочила назад, чуть не упав.

Он резко остановился и напрягся. Недалеко он услышал шуршание песка, может за пять сотен метров. Среди валунов, которыми была усыпана Пустошь, кто-то был. Охотник знал, кто.

Твари вышли на охоту.

4

Мина стояла позади и тёрла лоб, который болел после столкновения со спиной незнакомца. Он не двигался. В свете большой луны девочка видела блеск его глаз. Два горящих зрачка, как у дикой кошки, они смотрели вдаль, словно за кем-то наблюдая.

– Найди большой камень и спрячься за ним, – сказал он и сунул руку за плащ, – и чтобы ни звука.

Мина ничего не успела сказать или спросить: охотник рванул в сторону, и в темноте она быстро потеряла его из виду. Сердечко заколотилось. Девочка секунду стояла в растерянности, но потом взяла себя в руки, и попыталась всмотреться в окружающую её темноту, слабо разгоняемую лунным светом. Он сказал – найти большой камень и спрятаться.

Она огляделась, но не увидела ничего похожего.

Девочка двинулась влево, ища подходящее место, и наткнулась на гладкий, довольно большой валун. Мина решила, что он подойдёт. Камень охлаждал покрывшуюся мурашками кожу сквозь тонкую ткань футболки. Пальцами она стала нервно перебирать остывший песок, ожидая возвращения своего спасителя.

Охотник медленно, по-кошачьи тихо переступал по песку, стараясь не издать лишних звуков. Он двигался, напрягая зрение, обоняние и, самое главное, слух. Тварей было несколько. Три, может четыре. Это было очень и очень паршиво – схватка предстояла серьёзная. Привычным движением он вынул из ножен кинжал. Обрез, всунутый в сапог, он решил пока не использовать: патроны для него стоили недёшево.

Много раз в своей жизни он дрался с таким количеством тварей, но тогда он был совершенно один. Он очень надеялся, что девочка хорошенько спряталась, иначе, чёрт бы его побрал, он не сможет спасти её во второй раз.

Охотник слышал хруст камней справа, метрах в ста.

Какого чёрта их столько в одном месте? Они не терпели конкуренции, поэтому обычно встречались по одному, максимум, по паре штук одновременно.

Эти твари были ростом выше двух метров, хотя экземпляры попадались разные: иногда мелкие, ростом с человека, иногда здоровые, под три метра. Сгорбленные, состоявшие из одних мышц и сухожилий, с длинными острыми, как лезвия, зазубренными когтями на пятипалых руках, большой отвратительной пастью с острыми зубами и мощными ногами, позволяющими совершать высокие прыжки и нападать на жертву сверху.

Их чёрную твёрдую кожу было нелегко пробить из-за бугристых наростов и шипов, а постоянно выделяемая железами вонючая слизь, покрывающая всё тело, заставляла лезвие соскальзывать, что делало схватку с ними крайне трудной. Эти твари стали бы идеальными машинами для убийства, если б не мозг величиной с орешек. Две вещи всегда мешали им прослыть ужасными непобедимыми хищниками: тупость и жуткая вонь, стоявшая вокруг них в радиусе пятисот метров. Это была смесь запахов чего-то непередаваемо отвратительного: мертвечины, которой они питались, хотя предпочитали лакомиться свежатиной, и того особого запаха пустошей, сухого, выжженного... мёртвого. Охотник ненавидел этот запах, полностью забивавший нос, стоило подойти к тварям поближе. Люди прозвали их «падальщиками» или «каннибалами».

В ночное время удалённые районы пустошей кишели ими: они охотились сначала на ничего не подозревающих путников, а потом, когда люди вооружились и стали осторожны, на живность помельче: диких пустынных кошек, диких собак, песчаных ящериц. Охотились они и на сородичей – на «москитов», мелких летающих хищных тварей.

Москиты представляли собой полутораметровых стрекоз-переростков со смертоносным жалом на гибком хвосте, которым они пронзали ничего не подозревающую жертву, налетая со спины. Их маленькие головки крутились во все стороны, а довольно крупная пасть с острыми зубками могла легко прокусить шкуру, мех, кожаную одежду и добраться до сочной плоти. Плодились они много, поэтому недостатка в москитах не было. Кроме падальщиков охотились на них и люди. Их мясо употребляли в пищу, несмотря на его жёсткость и низкие вкусовые качества, но для тех, кто привык выживать, оно вполне годилось в пищу.

Какая ирония: мы едим их – они едят нас...

Когда популяция диких животных, некогда прирученных человеком, но одичавших, исчезла из этих мест, падальщики, москиты, хамелеоны и другие виды людоедов стали охотиться друг на друга в одиночку или, редко, стаями, пожирая себе подобных. Со временем на пустошах появилось нечто вроде естественной иерархии и образовалась цепочка питания, суть которой заключалась в простом и древнем принципе выживания: сильные едят слабых.

Знакомый отвратительный запах коснулся ноздрей охотника.

Трое. Один справа, уже метрах в пятидесяти, за выщербленным валуном, второй чуть левее в восьмидесяти метрах, другой обходил его сзади. Охотник продвигался вперёд боком, лицом к двум тварям справа.

Впереди мелькнула тень.

Он почувствовал, как вскипает кровь.. Тело наливается силой, внутри поднимается волна возбуждения. Скоро эта волна спадёт и останется только разум. Ясный, как луна в безоблачную ночь. Холодный, как сталь сжимаемого кинжала.

5

Падальщик рыкнул и упал на передние конечности, готовясь прыгнуть.

Охотник выжидал до самого последнего момента, когда тварь уже летела на него, выпустив когти и предвкушая лёгкую добычу. В последнюю секунду, вложив всю силу в удар, он развернулся и выкинул руку с кинжалом вверх, так чтобы склизкая кожа не помешала падальщику напороться на лезвие всем своим весом. Кинжал с хрустом вошёл в отвратительную плоть, распарывая её до самого подбородка. Падальщик пытался пошевелиться, издавая булькающие звуки, но вскоре замер. Охотник опустил кинжал, и мёртвая туша, медленно соскользнув с лезвия, свалилась на песок. С одним было покончено.

Падальщики всегда нападали исподтишка – так, чтобы добыча до самого последнего мгновения не могла их увидеть и оказать сопротивление.

Второй обошёл огромный валун и прыгнул сбоку по левую руку. Лезвие кинжала сверкнуло в лунном свете, разрезав горло второго. Охотник опустил голову, чтобы широкополая шляпа прикрыла его лицо и верх плаща от брызг вонючей крови, поливших сверху, словно дождь.

Мужчина быстрым движением стряхнул кровь с оружия и замер.

Запах.

Он нахмурился. Запах стал слабее. Третья тварь отошла дальше. Мужчина двинулся быстрым шагом вперёд, и понял, что запах уходит. Внезапная мысль мелькнула в голове. Он был так увлечён схваткой с двумя другими, что не заметил, не почувствовал, как уходит третий. Тварь учуяла более лёгкую добычу.

Девочка.

Эта тварь учуяла ребёнка.

Охотник побежал назад.

Мина сидела, прислонившись к валуну, и чувствовала, что спина начинает уставать и замерзать. Голые ноги она поджала под себя, чтобы как-то их согреть. Какой-то неприятный запах долетел до неё. Она поморщилась: он напоминал смесь тухлых овощей и машинного масла, каким протирали станки в городе, чтобы они не заржавели, и к этому примешивался запах чего-то горелого.

Запах становился сильнее.

Девочка попыталась высунуть голову из-за валуна, но чуть не упала на бок. Непонятный звук донёсся до неё вместе с усилившимся запахом.

Что это? Рычание?

По ногам побежали мурашки. Кто-то приближался к ней, и этот кто-то не был человеком. Захотелось вскрикнуть от страха, но Мина помнила наказ: сидеть и не издавать звуков. Девочка с трудом проглотила рвавшийся на волю крик, сильно зажав рот руками. Она поджала ноги плотнее и замерла, моля небеса о том, чтобы никто не услышал звук её громко стучащего в ночи сердца.

Охотник замедлил бег. Он готов был в любую секунду отбить нападение твари, но той нигде не было видно. Он снова мысленно чертыхнулся и уже раз сто успел пожалеть, что взял ребёнка с собой. Он всегда был один. Он всегда отвечал только за себя. Остальные его не волновали. Он не понимал, почему в этот раз изменил принципу.

Мужчина остановился, прислушался. Принюхался. Запах стал резче. Значит, он был прав: тварь решила, что ребёнок будет лёгкой добычей.

Чертовски логично...

Адриган нахмурился: сейчас не время для этого. Он выпрямился, успокоил чуть сбившееся от бега дыхание. Расслабился, закрыл глаза. Он старался почувствовать его. Увидеть тварь внутренним зрением. *Ощутить.*

С минуту охотник стоял неподвижно. Он знал, что эта минута может стать для девочки последней, но другого выбора не было. Нельзя его спугнуть, тогда тварь могла сорваться и убить ребёнка мгновенно.

Но раз они пришли втроём... что-то здесь не чисто.

Разум зацепил что-то. Вот он. Медленно опускается на передние конечности, готовится прыгнуть. Девочка сидит, сжавшись за круглым валуном. Тварь совсем рядом с ней. В каких-то метрах – на расстоянии одного смертельного прыжка.

Охотник открыл глаза и рванул вперёд, чертыхаясь сквозь сжатые от злобы зубы. Расстояние сокращалось, но недостаточно быстро, чтобы успеть убить тварь одним ударом.

Он видел всё происходящее очень чётко и плавно, будто время замедлилось.

Тварь подбирается, тело становится пружиной, сейчас задние ноги распрямятся, и падальщик прыгнет на неё сверху, через валун. Прямо ей на голову.

Охотник заходит справа, отталкиваясь от текучего песка каблуками сапог. Вот он уже видит ногу твари. Он замахивается и что есть сил бросает кинжал вперед, лезвие со звуком отсекает воздух и входит в бедро твари по самую рукоять. Тварь ранена, но прыжок уже не остановить, ребёнок всё равно в смертельной опасности.

Охотник снова бросается вперёд, вытягивая руки, чтобы дотянуться до девочки и толкнуть её в сторону. Падальщик летит с другой стороны. В последнюю секунду мужчина успевает оттолкнуть девочку и занять её место. Раненая разозлённая тварь падает сверху прямо на него. Охотник пытается дотянуться до кинжала, торчащего рукоятью из бедра хищника, но тот слишком далеко. Падальщик вонзает свои острые когти ему в руки и грудь, разрывая одежду и кожу. Охотник бьёт тварь в глаз, проникая пальцами прямо внутрь глазницы, разрывая плоть. Кровь хищника течёт по его рукам, попадая на лицо, затекая в глаза и рот. Падальщик разъярённо кричит и наносит мощный удар когтями в грудь. Охотник сжимает

зубы от боли и хватает тварь за пасть, клацающую острыми зубами совсем близко от его лица. Кровь хлещет из его ран от напряжения, но он рвёт пасть руками, рвёт кожу, ломает кости, он доводит дело до конца, потому что это схватка не на жизнь, а на смерть, и если не он, то эта тварь сейчас его загрызет.

Наконец, тварь затихает.

Всё кончено, падальщик мёртв.

Охотник сбрасывает с себя мёртвую тушу, морщась от боли. Грудь горит огнём, на руках не осталось живого места.

Мина садится и трясёт головой, чтобы прийти в себя.

Охотник. Он на том месте, где сидела она, а рядом лежит что-то большое и тёмное.

Она встаёт и медленно идёт к нему.

– Стой там, – его голос натужный, хриплый, – не подходи. Но она уже увидела, *что* лежит там.

Внезапно девочка чувствует приступ тошноты. Мина падает на колени, и её желудок больными спазмами извергает из себя какую-то жидкость. Она вспомнила всё, что произошло в городе. Вспомнила, почему оказалась там, где он нашёл её.

6

Всё, от шеи до коленей, пульсировало адской зудящей болью, как будто внутрь него насыпали кучу битого стекла. Он старался сохранять ясность мысли, хотя окружающее плыло перед глазами, и сознание грозило уйти в тёмную даль. Нельзя отключаться. Надо подняться и добраться до бункера.

Девочка

Он почти забыл о ней. Охотник попытался подняться, и боль пронзила его насквозь. Давненько он не чувствовал себя так паршиво... Неожиданно для себя мужчина рассмеялся хриплым сухим смехом. От смеха боль только усилилась, но он продолжал смеяться, пока не закашлялся от наполнившей горло крови. Какой же идиот – в одну ночь взял и поступился всеми принципами выживания. Просто сбрендил, не иначе.

Мысли о смерти уже давно его не посещали или он просто перестал их замечать. А теперь вот это. Охотник обратил налитые кровью глаза на мёртвое тело твари, которая чуть не убила его.

Какого черта я творю?

Мужчина привалился к валуну, постарался максимально расслабиться, во всяком случае, расслабить те части тела, которые он чувствовал, и сконцентрировался. Постепенно боль перестала разливаться по всему телу и собралась в тугой пульсирующий комок где-то под рёбрами. Теперь он мог подняться и отправиться в бункер. Мина тоже поднялась на ноги. Она испуганно смотрела на него своими огромными золотыми глазами.

Чёрт... – подумал он, – делать нечего, придётся взять её с собой. Если оставить её здесь сейчас, то не стоило тогда вообще драться с тварями.

Потом он позаботится о том, чтобы она всё забыла.

– Не отставай.

Охотник смог сковать боль и встать.

Какое-то время они шли молча. Одной рукой охотник как мог, зажимал самые сильные раны, но кровь текла меж пальцев, оставляя ненужные следы на песке. По этим следам их могли найти другие твари, посвирепее и покрупнее падальщиков: чёрт знает, сколько их гуляет этой ночью, раз они уже столкнулись с тремя. В другой руке он нёс опустевшую флягу. Он выпил уже литра два, а жажда продолжала одолевать его.

– С... сильно болит? – Тихо спросила девочка.

Ему было тяжело говорить, тяжело идти, он ощущал, будто несёт на себе груз, давивший его к земле. Она хотела знать, сильно ли болит его рана. Чёрт бы её побрал.

Если бы не она, он не был бы ранен. Боль в груди, словно почувствовав его злость, вновь стала расползаться по телу.

Охотник стиснул зубы и сильнее зажал рукой рану. Вопрос Мины остался без ответа.

Девочка опустила голову и немного замедлила шаг. Он прогнал злость: она всего лишь ребёнок. Она не понимает очевидных вещей и...

Она боится.

(И правильно...)

Опять ты

(...я всегда здесь)

Уйди, демон

(Смех)

До убежища осталось немного, он чувствовал это, надеялся, что ноги смогут донести его туда. В глазах темнело, грудь и правая рука онемели. Он собрал все силы, какие оставались у него, чтобы пройти последние шаги до заветной двери.

Я не умру...

Только не так.

Мина хотела помочь ему, но не знала, как.

Это из-за меня...

Такая простая и ужасная мысль.

Это всё из-за меня.

Мина нахмурилась.

Я должна ему помочь.

7

Изредка выходящая из-за туч полная луна серебряным светом заливала руины. Свет позволял увидеть, что они вошли в место, которое когда-то давным-давно было городком. Мина шла, постоянно оглядываясь. Она представляла себе красивые улицы с деревьями и цветами, высокие, в несколько этажей, здания с висящими на них трёхцветными флагами.

Как на картинке, которую она видела в древнем журнале.

– Сюда.

Хриплый голос охотника раздался откуда-то справа.

Прекрасная картинка тотчас померкла, словно занавес упал, открыв суровую реальность, тёмную и безрадостную. Матовый туман окутывал мрачные серые камни с торчащими из них прутьями, ржавыми от времени и рассыпающимися под пальцами от малейшего прикосновения. Деревья и цветы погибли, на искорёженных шестах больше не висели флаги.

Девочка последовала на голос: повернула направо и увидела, как он стоит на ступеньках, ведущих под землю.

Охотник увидел её, окружённую бело-золотистым светом, её сверкающие зрачки-бусинки, расширенные от испуга. Так он видел в темноте. Она была похожа на привидение.

Призрак прошлой жизни.

Он жестом, выражающим нетерпение, поторопил её, дал пройти вперёд и, спустившись вслед за ней, закрыл тяжёлую крышку.

Лестница вела глубоко под землю. В темноте было трудно идти, и Мина нащупала рукой прохладную стену, чтобы опереться на неё при спуске. Наконец, лестница закончилась, и они оказались внутри бункера.

Раздался сухой шелчок, жужжание, и в комнате зажегся свет. От долгого пребывания в темноте, свет показался девочке очень ярким – она зажмурилась и закрыла лицо рукой. В Урбане освещение было очень тусклым, так что город постоянно пребывал в серой атмосфере полумрака. Самое светлое место в городе было там, где стояли теплицы с овощами.

Значит, здесь он живёт, – подумала девочка.

Тёмное помещение оказалось квадратной комнатой, очень похожей на те, что Мина видела на картинках в старых истёртых книгах. К потолку крепились длинные как палки лампы. Всего их было четыре, работала только одна, но её было вполне достаточно, чтобы хорошо осветить комнату. Стены были тёмного цвета. Она не могла сказать определённо, какого именно. Пол был покрыт такими же циновками, что и в норе.

В углу стоял небольшой обветшалый диван. В городе диваны были только у верховных, остальные спали на привинченных к стенам полкам или на матрасах, разбросанных по углам.

Посреди комнаты стоял стол. Круглый с прямыми ножками и изрезанной надписями крышкой. Мина немного умела читать, но надписи были вырезаны на незнакомом языке, так что девочка не поняла смысла надписей. Сам стол казался таким древним, что если прикоснуться к нему, он может развалиться.

Охотник, однако, так не думал: он отвязал от пояса мешок и грохнул его на стол. Тот достойно выдержал. Он снял шляпу и стянул капюшон. Его одежда и лицо были сильно испачканы, чёрные, завязанные в хвост волосы блестели на свету.

Мужчина направился за перегородку, но остановился и медленно, морщась от боли, обернулся к Мине.

– Ничего не трогай, – тихо проговорил он и скрылся за перегородкой.

Мина перевела взгляд на диван. Коричневого цвета, на вид какой-то шершавый и неприятный, с ручками чуть светлее обивки. Из дыры с краю выпирала какая-то закрученная железка. Девочка села на краешек дивана, как можно дальше от железной штуки, и послушно сложила руки на коленях.

Охотник прошёл в кухню, где стоял ещё один стол, под которыми он хранил галлоны запасенной воды, и табурет, очень старый, как и все вещи в его убежище. На стене висел старый ржавый ящик с нужными вещами внутри.

Сквозь боль в сознании пульсировала неприятная мысль о том, что не стоило приводить девочку сюда. Охотник жалел об этом решении.

Он снял перчатки, швырнул их в угол, потом сбросил с плеч изорванный плащ. Вдохнув воздуха, он принялся медленно отдирать от ран ткань рубахи вместе с коркой запёкшейся крови, отчего раны опять начали кровоточить. Покончив с этим, он осмотрел повреждения, хотя и без осмотра было понятно, что всё очень паршиво. Три глубокие раны от когтей падальщика. Та, что в середине самая глубокая, две по бокам короче и уже. К дюжине других шрамов, покрывающих его тело, прибавится ещё три. Если только он поторопится и обработает всё как следует.

И как эта тварь умудрилась зацепить именно белую половину? Будь раны левее, он бы так не волновался.

Будь прокляты эти твари.

Будь все они прокляты...

Охотник достал из закутка небольшой, некогда эмалированный таз, поставил его на шатающуюся табуретку и наполнил водой. Трясущейся рукой открыл ящик на стене и вытащил

оттуда маленький кусок мыла, треснувшую бутылочку с серым порошком, ещё какую-то склянку и куски ткани, служившие ему бинтами. Бинты были чёрного цвета, сделанные из старой одежды. Какая никакая гигиена, на другую рассчитывать не приходилось.

Он вымыл руки в тазу, вымыл очень хорошо и вылил воду в стоявшее у стены кривое ведро, вновь наполнил таз чистой водой и добавил одно из лекарств, чтобы промыть им раны. От первых капель целебной жидкости рану загло как огнём. Плохо, значит, зараза уже успела проникнуть внутрь. Он намочил тряпку ещё раз, вдохнул, и протёр большую рану. И на этот раз долго сдерживаемый стон вырвался из груди как испуганная птица из клетки.

Мина вздрогнула от звука и вскочила с дивана. Ей так хотелось пойти и помочь ему, но догадывалась, что он рассердится, если она войдёт.

Сидеть спокойно она больше не могла и принялась ходить вокруг старого стола.

С дезинфицированием ран было покончено, и жжение немного утихло. Теперь оставалось зашить раны и забинтовать их. Процесс занял немного времени: онемевшая кожа почти не чувствовала иглу, а умелые пальцы, уже много раз проделывавшие эту работу, быстро сделали своё дело. Наконец, он крепко забинтовал грудь, убрал пузырьки и оставшиеся тряпки обратно в ящик и вздохнул. С облегчением, потому что боль стала отступать. Медленно, как улитка.

Охотник поднялся с табурета, и волна жара прокатилась по его телу, заставив его ненадолго потерять равновесие. Это лихорадка. Чёртова лихорадка. Лекарства, которые могли снять её, остались в походной суме.

Она не должна меня видеть.

Мужчина поднял с пола плащ. Он был изорван, но не запачкан кровью тварей, как остальные вещи. Он с трудом надел его на себя и запахнулся, чтобы скрыть своё тело. Левую перчатку он тоже предпочёл оставить надетой на руку.

Охотник медленно вышел из-за перегородки.

Мина остановилась, когда он, чуть шатаясь, вошёл в комнату. Его глаза подернулись тонкой туманной пленкой и смотрели сквозь неё.

Она заметила

Конечно, она заметила.

дыры на груди плаща. Но Мина не видела ни бинтов, ни кожи, ни красных пятен, которые всегда появлялись, когда человек был ранен – а Мина знала, что её спаситель поранился. Девочка смотрела на его грудь, думая о том, как ему, наверное, больно. Но теперь всё будет в порядке, она была уверена в этом. Теперь он выздоровеет.

Мина успокоилась: смущенно улынувшись, она уселась на диван. Беспокоясь за него, она совершенно забыла про свой страх и усталость, но сейчас Мина снова ощутила своё тело, которое хотело пить, есть и немножко, совсем чуточку, спать.

Он, видимо, прочитал её мысли.

Мужчина отошёл от стола, не тронув походный мешок, и подошёл к ящику, который Мина заметила только теперь. Он с трудом присел на корточки и вытащил из ящика помидор. Девочка смотрела на овощ как на чудо: в городе им очень редко удавалось есть свежие овощи, в основном все питались консервами, которые делали сами, а тут целый свежий помидор!

Он кинул помидор через комнату, и она ловко поймала его.

– Спасибо, – проговорила девочка и откусила кусочек.

Охотник ничего не ответил. Он развязал мешок и нашёл лекарство.

8

Девочка уснула. Охотник лениво наблюдал за ней. Он давно уже оставил мысль о том, что она может быть опасна.

Однако что-то внутри него всё же было недовольно этим решением. Что-то тёмное, сидящее так глубоко, что от него не избавиться. Боль помогала отвлечься от противных мыслей, и, по мере того, как она уходила, мужчина старался занять себя иными проблемами, например проблемой пропитания. Он с самого начала заметил, что ребёнок слишком худ. Ей нужно мясо. Москиты на ужин отлично подойдут.

В груди неприятно кольнуло. Какого чёрта он заботится о ней? Какая ему вообще разница, худа она или нет? Но мысли не остановить. Уж если они взялись бродить в голове, то никуда от них не деться. Много времени ему понадобилось, чтобы понять это, и ещё больше, чтобы привыкнуть. Но есть вещь, которая гораздо хуже мыслей.

Воспоминания.

О, да.

Вспышки в мозгу, оживающие картинки, пробуждающие спящие ощущения.

Страх. Боль. Ненависть.

Он почувствовал, как кровь начинает вскипать. Охотник закрыл глаза и медленно выдохнул, отметив про себя, что ушёл в слишком опасные дали своего сознания, и только потому, что старался не думать о ребёнке. Он взял иглу, которой совсем недавно зашивал свои раны, и тщательно, мелкими правильными движениями, заштопал одежду.

Мина перевернулась на бок, и длинные волосы коснулись пола.

Охотник знал, что должен поспать ещё, но так и не смог сомкнуть глаз. Время тянулось слишком медленно. Солнцу давно пора убраться восвояси и позволить сумеркам притупить внимание москитов, которым сегодня была судьба оказаться убитыми и съеденными.

С другой стороны, время шло на пользу ране.

С каждым разом они затягивались всё быстрее, и ничего хорошего это не означало. С каждым разом требовалось всё больше добычи, чтобы менять её на большее количество ингредиентов для лекарства, дозу которого он вынужден был увеличивать.

Солнце начало клониться к закату, и охотник начал готовиться. Девочка встрепенулась, её сонный взгляд обратился на него.

Оставайся здесь, – коротко бросил он, закрепляя кинжал на бедре.

Охотник оделся: отчищенный и зашитый плащ, капюшон, шляпа, сума висит на поясе. Обрез в сапоге заряжен и готов к использованию. Подумав, охотник забрал из тайника револьвер и несколько патронов. Маленькие метательные ножи в чехольчиках пристегнул к поясу. Следуя растревоженному после ночной схватки внутреннему чутью, он решил взять с собой весь свой арсенал на случай, если какая-нибудь тварь сочтёт его своим обедом.

Пора выходить на охоту.

9

Адриган двигался как можно тише, стараясь не спугнуть добычу. Треск разрываемой плоти, и звуки чавканья доносились до него всё отчетливее. Чаще всего летающие твари обитали в руинах, вынюхивая, чем можно поживиться: останками немногочисленных диких животных, а если крупно повезёт, то и человечиной. Он вынул из чехла маленький метательный нож. Их было всего три: всего три попытки убить гада.

Охотник напряг зрение и увидел в темноте нескольких летающих тварей, лакомившихся какой-то падалью. Их было четверо, небольшая стайка.

Он выждал, пока пара из них улетит: с двумя справиться гораздо легче, чем со всей стаей. Он прицелился, стараясь метить в голову, и метнул нож. Удар маленького острого лезвия пришёлся точно в сетчатый глаз. Тварь дёрнула крыльями, пытаясь взлететь, но тут же шлепнулась на труп песчаной ящерицы, ставший её последним ужином. Другой тут же встрепенулся, и, увидев врага, ринулся на него. Охотник уже крепко держал свой кинжал, которым с одного удара отсёк хвост с выставленным вперёд жалом. Москит издал пронзительный писк, но сдаваться не спешил. Второй удар отсёк твари половину головы. Тварь пролетела ещё пару метров и рухнула на песок, кривые лапки задёргались в агонии. Адриган оторвал оставшийся кусок головы, чтобы быть уверенным в смерти твари, то же проделал и с другим, затем надел тушки на прут к остальной добыче, которой теперь хватит на пару ужинов.

Хруст камня привлёк его внимание. Минуту охотник стоял неподвижно, прислушиваясь. Тишина более не нарушалась, и он заткнул кинжал обратно за пояс.

В этот момент тварь напала на него.

Хамелеон – рослый хищник, сильный, с длинными когтями, обладающий способностью сливаться с любой обстановкой так, что его невозможно обнаружить, выслеживал его, великодушно позволив своей будущей добыче убрать мелких летающих конкурентов.

Злобно выругавшись, охотник успел отскочить в сторону до того, как острые когти впились в него. Он бросил добычу в сторону и вырвал из кобуры пистолет. Он выстрелил в тварь, промазал, снова откатился в сторону, быстро прицелился и нажал курок. Пистолет не выстрелил.

Хамелеон приближался, готовый разорвать человека на части. Мужчина был раздражён: слишком много нападений за последние сутки, тварей словно тянуло сюда как магнитом... Если бы это был падальщик, проблем бы не возникло, но сейчас он имел дело с демоном, по силе и скорости многократно превосходящим их и стоящим на ступень выше по интеллекту.

Чёртова железака... Чтоб тебя!

Охотник вновь откатился в сторону, выхватывая из сапога обрез. Он вскинул оружие на левую руку и замер. Твари нигде не было видно.

Хамелеон спрятался, слился с какой-нибудь обвалившейся тёмной стеной и выждал удобного момента, чтобы атаковать.

Хамелеоны всегда терпеливы и осторожны. Обладая мощными телами, они с одного удара могли лишить человека жизни, раздробив кости и смяв внутренние органы. Дело усугублялось их способностью становиться практически невидимыми, сливаясь окраской с обстановкой. Кроме того, они не обладали запахом, как падальщики, так что определить, где затаилась тварь, было практически невозможно.

Адриган максимально напряг слух: единственным недостатком тварей было еле заметное хрипение, которое они постоянно издавали. Низкий гортанный звук, прекрасно различаемый ушами охотника.

Хамелеон перемещался в тени руин, замирая каждый раз, когда мужчина поворачивался на звук. Это походило на игру в кошки-мышки: и, если тварь была уверена, что исполняет роль кошки, то охотник был намерен её в этом разубедить. Один прыжок отделял Хамелеона от вкусного обеда. Охотник очень надеялся, что этот прыжок станет для твари последним.

Демон не заставил себя ждать. Сбросив маскировку, хамелеон атаковал. Мощные, покрытые с внутренней стороны жёсткой шипастой коркой, руки почти сомкнулись в стремительном и смертельном объятии, но охотник отскочил и быстро нажал на курок обреза, выпустив в широкую, служившую отличной мишенью, грудь твари смертельный заряд. Выстрелом хамелеона отбросило назад, вслед за вырванными из его груди ошмётками плоти. Охотник успел заметить удивление, промелькнувшее в быстро тускнеющих цветных глазах твари. Через мгно-

вение хамелеон замертво свалился на землю в десяти шагах от своего убийцы. В груди зияла дыра, и полная луна отражалась в луже натёкшей чёрной крови.

Охотник убрал обрез в сапог и выдохнул. Он отсек кинжалом голову демона и носком сапога отшвырнул подальше. Вдалеке уже слышалось жужжание: очередная стайка голодных moskitov спешила полакомиться ещё тёплым трупом. Охотник быстро подобрал брошенную в сторону связку с пойманными тушами и поспешил в убежище.

10

– Это москиты? – спросила Мина, когда охотник положил добычу на стол, – можно потрогать? – Он кивнул.

Девочка с интересом разглядывала тварей, ей никогда не доводилось пробовать их и тем более она не видела их так близко. Туши показались ей огромными. Тёмно-синее тело, к которому крепились цепкие лапки с коготками, заканчивалось хвостом с острым чёрным жалом на конце. Крылья на вид были прочными и гибкими, они красиво переливались на свету, и Мине захотелось дотронуться до них. Тонкие пальцы девочки коснулись крыла и попытались согнуть его, но через секунду оно вспыхнуло, и тут же вся туша, мгновенно сгорев от объявившей его вспышки странного пламени, превратилась в прах. Мина вскрикнула от испуга и от боли, пронзившей кожу. Девочка упала навзничь и зажала ладонь другой рукой. Охотник инстинктивно отошёл к перегородке, подальше от стола и от девочки. Он молча наблюдал за картиной, стараясь понять, что сейчас произошло. Мина заметила, как он напрягся, и чувство вины снова завладело ей.

Мина замотала головой:

– Я...я... не специально...

Её голос дрогнул, крупные слёзы покатались из глаз. Мина сидела на полу, баюкая обожжённую руку, раскачиваясь как маятник, вперёд и назад. Красные распухшие глаза на мокром от слёз лице горели как фонари, продолжая ронять градины слёз.

Охотник не двигался, впервые за очень долгое время не зная, что делать. Теперь он понял, каким образом она выжила на пустоши. Вот почему он чувствовал неприятное жжение даже через одежду, когда нёс её... И рисковал своей жизнью, когда она могла лишь коснуться твари, и та бы просто превратилась в кучку пыли... Сейчас уже поздно идти в Урбан, да и его телу нужен отдых, но завтрашней ночью он отведет её в город и оставит там, даже если от города не осталось камня на камне.

Смех внутри его сознания становился всё громче.

Ты знал, маленький ублюдок

(Смех)

(Нашёл себе развлечение, Джимми?)

Заткнись, демон. Это твоя шкура под угрозой.

(Усмешка)

(и твоя тоже...)

– Проклятье, – прошептал охотник.

Медленно, всё время держа девочку в поле зрения, он снял со стены пустой бурдюк, убрал оставшиеся туши тварей в ящик и вышел из убежища по направлению к колодцу. Видимо, он живёт слишком долго, если собственноручно привёл в дом смерть с белыми волосами, да еще и дрался, защищая её...

(А разве это не долгожданное избавление...)

Опять ты

(Улыбка)

(Ты же гредишь об этом)

(Это твой шанс...)

Охотник сильно тряхнул головой, чтобы заткнуть голос в голове. Он шёл к единственному поблизости источнику воды, прорубленному сквозь толщу красных камней.

11

– Мина! Минаааааа! – Истошный крик звенел в ушах, – темноволосая женщина тянула к ней руку, но девочка не могла её схватить, потому что женщина удалялась от неё. – Мииинааа...

Кругом темно, ничего не разглядеть, в ушах звенит от непрерывного гула. Чья-то рука берёт её руку. Её быстро ведут куда-то. Так быстро, что она бежит.

Вспышки. Яркие. Короткие.

Боль.

Наконец бег прекратился. Она сидит на холодной земле, рядом с ней кто-то пытается зажечь лампу.

Помещение озаряется светом.

Рядом с ней какой-то человек, он прижимает её к себе. Она вцепилась ручками в его куртку, в голове всё смешалось.

– Папааа, – она напугана, ей хочется плакать, – п-папааа, а мама... где? – Голос срывается, из груди вырывается стон. Слёзы текут по щекам. Подавляя всхлип, она произносит – она придёт?

– Папа с тобой, не бойся, – говорит он и прижимает её к себе ещё крепче. Девочка немного успокаивается, – а мама... мама не придёт.

– Почему?

– Я не знаю, где твоя мама, малышка, – его голос дрожит. Он разжимает объятия и совсем отпускает её, – я сейчас вернусь, будь здесь, – говорит он и уходит куда-то.

Она осталась одна. В тишине слышно, как потрескивает лампа.

А потом раздаётся крик.

Папа!

Она бежит к выходу из комнаты, в темноту, и видит валяющийся на земле фонарь и какого-то человека. Его лицо искажено, оно словно застывшая белая маска ужаса.

Почему оно такое?

Это не её отец...

Хруст. Чавк.

Она переводит взгляд в сторону звуков и видит существо. Оно тёмное, страшное, у него большие светящиеся глаза. Оно поворачивается и смотрит на неё. Приседает. Из оскаленной пасти капает

Кровь...

В глазах всё плывёт от страха. Сейчас этот монстр укусит её. Она пытается бежать, но падает. Земля такая холодная... она притягивает к себе, не давая встать, но Мина находит в себе силы поползти обратно в своё убежище.

Она ползёт. Всё дальше и дальше. Вот она уже у прохода. В комнате. Тяжело дыша, она забила в угол и закрыла глаза.

Это сон... сон

Оно совсем близко

Мина слышит утробное рычание, словно монстр предвкушает, как будет разрывать её на части как и того человека... Она чувствует гнилостное горячее дыхание на своих босых ногах. Окровавленная пасть раскрывается и приближается к ней.

Мина выставляет руку вперед, чтобы защититься, но её снова пронзает боль

Монстр исчезает.

Беги... Беги!

И она бежит, всё равно куда, лишь бы дальше отсюда, пусть на пустошь, но она бежит.

Бежит...

– Эй!

Мина дёрнулась и, вскрикнув, подскочила. Кто-то её окликнул, или послышалось? Ещё пару минут она лежала с широко открытыми испуганными глазами, приходя в себя, и пытаясь понять, закончился ли кошмар?

Кошмар закончился прошлой ночью, когда на их город напали. Девочка толком не помнила, кто и как вывел её из города. Она так испугалась, что назвала этого незнакомого человека отцом. Значит, это его смерть она видела во сне. Он погиб также, как и родители...

У меня никого нет...

Дверь со скрипом открылась, и в убежище вошёл Зеленоглазый. Раз он не назвал ей своего имени, она стала звать его так.

– Я верну тебя в город, – резкий тон, и сталь в голосе. – У тебя есть кто-нибудь из родных?

Мина неопределённо дёрнула головой. Только что она вспоминала умерших родителей. Да, они остались в Урбане, рядом с Урбаном, в маленьких могилках у купола... но вслух девочка не смогла произнести ни слова. Внезапно ей не хватило воздуха, твёрдая поверхность, на которой она сидела, стала куда-то уплывать. На минуту чувство реальности ушло: будто всё это происходило не с ней, а с кем-то другим, а она просто гость в этом теле.

Постепенно дыхание стало восстанавливаться, и она ощутила, как сильно бьётся её сердце. Мурашки побежали по спине, спустились к бёдрам, пронеслись вниз по ногам. Перед глазами мелькали лица. Лицо её дяди, лица убитых. Лицо того человека, что умер на пустоши. Нет, она не хочет обратно к мертвецам и страшным монстрам. Она не хочет в этот разрушенный город!

Охотник наблюдал за ней. Он заметил, как девочка побледнела.

Тихий писк вырвался из её горла.

– Н... не... не надо, я прошу, нет... – она бормотала эти слова всё сильнее ощущая почву под собой.

Дыхание участилось, и она сорвалась на крик:

– Нет! Я не хочу назад!

Мина умоляюще смотрела на него

Охотник стоял неподвижно, лицо его было непроницаемым.

Девочка почувствовала, как больно сердце ударило в груди и сжалось в комок. Она ничего не ответила ему, и он расценил это как смирение.

– Выходим этой ночью.

Мина встала, ноги почти не держали её. Губы сжались в тонкую полоску, золотистые глаза сверкнули в свете лампы.

Злость.

Странное чувство... Мина ощутила прилив сил и уверенности, дрожь в коленях прошла. Остатки страха и стеснения покинули её. Тонкий голос, без надрывов и колебаний зазвучал в тишине комнаты.

– Мои папа и мама давно умерли, – она смотрела ему прямо в глаза, – у меня есть дядя, которого я ненавижу. Он злой. Но он, наверное, тоже умер, потому что... потому что город... весь город умер. Мне некуда идти. Ты тоже меня ненавидишь, не выпускаешь из рук свой нож. – Она пальцем указала на него. – Зачем ты меня спас?

Охотник молчал. Что ж, сам виноват: загнанное в угол существо всегда начинает драться...

– Зеленоглазый, – сказала Мина, и глаза охотника расширились. Перед ним стояла маленькая девочка восьми лет, но вдруг он увидел будто неземное существо. Она засияла, и это сияние пробилось даже сквозь электрический свет лампы под потолком, окутывая её ярким светом, от которого резало в глазах. Она словно выросла и увеличилась в размерах, налилась силой, такой мощной, что оставалось только удивляться, откуда такая сила появилась в её тщедушном тельце. Её глаза горели золотым огнём, таким пронзительным, что он отвёл свой взгляд. Но несмотря на это, он не чувствовал угрозы, скорее, от неё исходила волна твёрдости и настойчивости.

И это обращение – «Зеленоглазый»... Он так и не назвал ей своего имени.

Её голос вдруг стал взрослым и уверенным, детскость начисто пропала из интонации.

– Ты спас меня один раз, чуть не погиб, спасая второй. Я очень благодарна тебе за это, я всегда буду у тебя в долгу, но, получается, что ты сделал это зря. Убей меня, прямо сейчас вытащи свой кинжал и воспользуйся им, потому что мне осталось только два пути: или умереть в городе или на пустошах, не важно, или служить тебе до конца своих дней, пытаясь отдать долг за свою жизнь.

Охотник словно прирос к полу. Даже мерзкий голос внутри него замер, удивленный и любопытный, ждущий, что будет дальше. Девчонка-то оказалась совсем не проста.

Голос разума кричал ему, что она опасна, что надо избавиться от неё как можно быстрее, но теперь охотник не спешил с ответом. Это маленькое создание само не знает, какой огромной силой обладает... но он может использовать эту силу в своих целях.

Они стояли друг напротив друга, мужчина и девочка, глядя друг другу в глаза.

служить тебе до конца своих дней, пытаясь отдать долг...

Собственное имя медленно всплывало из глубин памяти, будто покаявая мозг.

Спустя время он произнёс:

– Меня зовут Адриган.

Часть II Дневник учёного

Глава 1

1

В тёмной комнате работал телевизор. Смазливый гладко причёсанный ведущий программы новостей вещал с экрана очередной бред.

Она так устала от всего: от этих «новостей», от этого города. От этой жизни.

Ей хотелось просто лечь куда-нибудь и заснуть мертвецким сном. И, желательно, больше не просыпаться.

Каждый день, плетясь на работу в душном и грязном метро, идя по пыльной, закутанной в смог улице, она видела, во что превратился мир. Она видела, что происходит с людьми.

Она видела, что происходит с планетой. Что сами люди творят с планетой.

Мальчик ведущий, который делал ошибки в каждом пятом произносимым им слове, рассказывал об очередном рекордном нашествии насекомых, уничтоживших очередной урожай кукурузы.

Ни для кого не было секретом, что Земля погибала. Несколько лет назад об этом заявили учёные, а потом, с большой неохотой, признали правительства нескольких ведущих мировых держав.

«Рекордные холода в Америке, наводнение в Германии, забастовки в Турции, революции на Ближнем Востоке...», – говорил телевизор. Она нажала кнопку на пульте, и экран погас.

«Для вас одно новое сообщение», – механическим голосом проговорил автоответчик.

– Лена, привет, на выходных встретиться не получится, у сына опять идёт кровь... сама понимаешь... Извини.

Гудки.

Сын сестры был болен уже долгое время, и всем было плевать на это: врачам, учителям, социальным службам... Всем, кроме его матери. Весь этот чёртов мир был смертельно болен.

Она думала, что сможет отвлечь всех этих больных от мыслей о деньгах и своей маленькой ничтожной власти? Какой силы катаклизм должен произойти, чтобы их глаза наконец открылись?

Похоже, скоро придёт время узнать ответ.

2

– Опять эта дурацкая смесь? – Мальчик был недоволен.

– Ешь, Костя, ты и так очень худой, – возразил он.

– Ну, пааааааааааа! – на детском лбу появилась морщинка, – мы едим это уже целый месяц!

Он вздохнул и прикрыл глаза. Всего на секунду. Конечно, и ему хотелось чего-то натурального, картошки или капусты... Такую роскошь он позволить себе не мог.

Его несчастной зарплаты хватало только на оплату коммунальных услуг и других налогов, на новые ботинки для ребёнка и на сухие химические смеси, заменившие нормальную еду по всему миру. Благо простая вода всё ещё текла по трубопроводу, а старенький фильтр кое-как очищал её.

Он подозревал, что скоро не будет и этого.

Выживать, да именно *выживать* становится всё труднее.

Денег нет. Да и всё равно, ими скоро можно будет подтереться вместо туалетной бумаги, это вопрос времени. Еды нет.

Климат ужасный, ничего нигде не растёт. Лето с каждым годом становится всё жарче и суше. И всё опаснее: лесные пожары, наводнения в городах, и бог знает, какое ещё дерьмо случается каждый раз.

Он смотрел на сына, светловолосого с большими наивными детскими глазами, худенького настолько, что стали видны рёбра. Он расшибался в лепёшку каждый день, чтобы обеспечить ему жизнь практически впроголодь.

– Ешь, ешь.

Мальчик скривился, ложка с бесцветной массой отправилась в рот.

3

– Жара такая, что скелеты потеют... Когда у нас в Сибири такое было, ты помнишь? – медленно проговорил коренастый загорелый человек. Он стоял рядом с пыльным КАМАЗом и жевал высохшую травинку.

– Дааа, с каждым днём всё хуже, командир.

Михаил поправил съехавшую на бок шляпу и, прищурившись, посмотрел в небо.

Водитель грузовика выплюнул травинку.

– Вот ведь зараза, ходит туда-сюда и никак не прольётся. Нервирует только.

Мужчина указал на тучу, которая и правда ходила кругами. Казалось, она кружит по небу весь день, хотя не было ещё и одиннадцати утра.

Михаил ненавидел эту работу, ровно как и водитель грузовика, стоявший рядом, его имени он не знал. Да и какая разница? Такой же работающий мужик, которому надо кормить семью.

В такое время берёшься за любую работу, какая подворачивается. Если надо возить всякий хлам и торчать весь день на солнцепёке, значит, так тому и быть. В кабине не отдохнёшь, это парилка похлеще, чем в бане. Наконец водитель приволок в тень изрезанную и исписанную подростками скамью и тяжело уселся на неё.

Михаил вздохнул, потёр начавшую облезать шею, его кожа не привыкла к солнцу, и сел рядом. Молодой человек протянул банку тёплого, почти горячего пива водителю, тот поблагодарил его кивком и вскрыл банку.

– Гадость какая, – проворчал мужчина, утирая с губ пену, напоминающую пену от моющего средства. Но всё же она стоила дешевле, чем бутылка воды, – меня Семён звать, а ты как будешь?

– Миша.

Да, он был полностью согласен насчёт пива. Вот раньше, годков двадцать назад было пиво... Хотя старики и от того плевались. Каждому своё. Каждое поколение ругает следующие после него, тут уж ничего не попишешь, природа такая человеческая.

– Что они делают, ты мне можешь ответить? – Водитель, Семён, повернулся, перекинул ногу через скамью (дети давно отломали от неё спинку) и поставил липкое от плеснувшей через край пены пиво между плотных ног.

– Не знаю, – пожал плечами Миша, – теперь каждый сам за себя, всем на всех плевать, – не нашего ума это дело. Хотят под землю уйти, пусть сверлят, тайга кругом, зверьё только распугали.

Он устал. Ему было жарко, хотелось пить и домой. Ему было безразлично, что делают там все эти люди и зачем им это надо, но Семён, похоже, эту тему оставлять не собирался.

– Тебя тоже бумажки подписать заставили? О неразглашении. Это, вроде как, государственная тайна. – Семён развёл руки и криво усмехнулся, – ни для кого не тайна уже, что всякие шишки себе новомодные убежища роют под землёй. А всё одно будет, – он махнул рукой, – никому нигде не укрыться от гнева природного.

Одинокая капля упала на высохшую землю рядом с кроссовкой Михаила и тут же испарилась.

– Ишь ты, гляди, неужто полить собралась? Окаянная, ходила, ходила, тьфу, – водитель смачно сплюнул на землю рядом с каплей, которая тут же высохла.

Через минуту хлынул ливень, землю размыло в грязь. Семён спрятался в кабине КАМАЗа. Михаил улыбнулся, никогда прежде он не был так рад дождю.

Он поднял лицо вверх и стал жадно пить падающие с неба капли.

Глава 2

1

Леонов стоял на трибуне и смотрел в микрофон, направленный ему прямо в лицо. В новом костюме было неудобно, казалось, тело везде колет щетинками, от которых всё чесалось. Он поднял глаза и увидел перед собой снующих туда-сюда людей: кто-то протискивался к своему месту, кто-то теребил галстук, кто-то что-то кричал. Было очень шумно и как-то беспокойно. Леонов оттянул галстук, который давил шею, сделал глубокий вдох. Тёплый, спёртый воздух ворвался в его лёгкие, не принеся облегчения. На какое-то мгновение он ощутил, что всё это ему кажется, что он смотрит сам на себя и на всю обстановку как будто со стороны. Ученый тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение. Ощущение нереальности происходящего медленно покидало его. Наконец мужчина увидел перед собой человека с выпученными глазами и каплями пота на лбу, одна из которых скатилась по его щеке. Наушники с микрофоном съехали на затылок, открыв взору сверкающую лысину. Человек открывал рот, но звуков не было слышно.

В голове Леонова прояснилось, он вспомнил, что стоит на трибуне в ООН и сейчас, через какую-то минуту, будет делать доклад в рамках всемирной конференции по климату, принявшей в 2018 году статус «emergency». Он услышал слова человека, который объяснял ему, стараясь перекричать шум, что до начала его выступления осталось две минуты. Леонов посмотрел в его выпученные глаза и кивнул, человек спешно удалился по другим делам. Все основные докладчики уже выступили, осталось только несколько человек, и перед тем как заслушать их, был устроен перерыв. Делегаты и члены ООН подкрепились скудным обедом: даже высокопоставленные чиновники с недавних пор были сильно ограничены в питании.

Скоро в громадном зале всё успокоилось, и он перестал походить на гигантский улей с кишачными внутри него насекомыми. Сотни глаз были устремлены на него. Глаз, в которых сквозило чувство страха и безысходности. Его представили и попросили начать доклад.

Леонов открыл рот и внезапно почувствовал, что в горле пересохло. Он мельком посмотрел на стакан с водой, стоявший рядом, но отпить не решился, он знал, сколько стоит такой стакан воды.

– Господа и дамы, – неуверенно начал он, пытаясь вспомнить, что говорили на инструктаже перед выступлением, – сегодня я хотел бы представить вашему вниманию результаты поисков и исследований, на которые ушло пятнадцать лет... Как вы знаете, – продолжил он, сказав мысленно самому себе не тянуть и переходить к самой сути, – в последние годы климатическая обстановка на нашей планете нестабильна, и нестабильность эта имеет серьёзные для всех нас последствия. Эрозия почв, опустынивание, катастрофическое затопление территорий, а кроме этого ураганы, наводнения, засухи и следующие за ними пожары привели к тому, что продовольствия стало крайне мало, а в некоторых районах его нет совсем. – И всё-таки он протянул руку к стакану и сделал небольшой глоток, говорить стало намного легче, – за последнее десятилетие мы сталкиваемся с настолько катастрофической обстановкой, что это стало проблемой мирового масштаба. Все мы прекрасно знаем об этом. Однако в жизненном цикле нашей планеты такое происходит не впервые, и я могу представить доказательства этого.

В зале погас свет, и за его спиной выехал большой экран, на котором тут же высветилась картинка. Это был снимок иероглифического текста, высеченного на гладком металле.

– Здесь вы видите первую из наших находок, которая была обнаружена нами на территории Восточной Сибири. Этот памятник древности... И я хочу заметить, что по этому поводу происходили долгие научные споры на международном уровне, так вот этот фрагмент дати-

руется одиннадцатью тысячами лет до нашей эры и содержит запись о древнем инструменте, с помощью которого древние люди... Развитые древние люди, – он не знал, какую реакцию вызовет его заявление, но был готов к худшему. Он вобрал в грудь воздух, – управляли климатом на Земле.

Он сказал это.

В ответ не раздалось ни звука. Опять на него стало накатывать ощущение нереальности, отрыва от тела, но Леонов заставил себя вернуться в реальный мир, застывший в ожидании продолжения.

– Это не единственное свидетельство правдивости моих слов, и мои уважаемые коллеги подтвердят это, – продолжил он, – такие же фрагменты мы обнаружили в совершенно разных частях света: в Северной и Южной Америках, на Тибете, в Африке и в Австралии. Проанализировав место находки и сопоставив эти данные с уже известными, мы смогли отыскать остальные части механизма. Нам удалось обнаружить все шесть частей, после чего они были подвергнуты тщательному анализу, который подтвердил, что все они подлинные и одного возраста, как я уже сказал им примерно одиннадцать тысяч лет. Тексты были зашифрованы, однако, нам удалось разгадать шифр... И на основе расшифровки дальнейшая работа была проделана с помощью наших коллег-физиков, которые нашли в этом открытии для себя немало ценных данных. И сейчас, на основе этих данных, мы можем говорить о высочайшем уровне технического развития предшествующей нам цивилизации, – в зале зашептались. Леонов перешёл в наступление, – сейчас вы можете понять огромную роль наших поисков в связи с катастрофическими природными катаклизмами, сотрясающими нашу планету особенно последние три года... Мы могли бы, используя древние знания, сконструировать подобный механизм и попробовать изменить климатическую ситуацию к лучшему.

– Я и мои коллеги понимаем удивительность данного открытия, однако... – он чувствовал, как трясутся его руки, – дамы и господа, у нас почти не осталось выбора...

2

От прежней тишины не осталось и следа, Леонову показалось, что во время перерыва шум в зале был меньше. Он знал, что доклад вызвал бурю негативных реплик, вроде «да он сумасшедший!» или «что это за бред?». Он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, но команда, с которой они вместе работали все эти пятнадцать лет, голосованием большинства, кроме него, поддержала идею выступить на климатической ассамблее. Он был единственным, кто проголосовал против. Также, голосованием большинства, докладчиком был выбран именно он.

Леонов не стал сопротивляться решению коллег, однако он знал, насколько люди могут быть пессимистичны и злы. Скептики, которым нет дела до каких-то там открытий, просто разорвут их на части.

Однако процесс был запущен. Они год добивались разрешения на участие в сессии, искали людей, которые могли бы в этом помочь, и, когда человечеству пришлось совсем худо, им, наконец, разрешили выступить и изложить свою теорию. И сейчас, сидя за длинным столом рядом с другими делегатами, которые косились на него и только что пальцем у виска не крутили, он понимал, насколько опрометчивым был этот шаг. Он прокручивал в голове всю свою жизнь и пытался вспомнить, когда он хоть что-то сделал так, как надо.

«Похоже, судьба ошиблась с выбором спасителя человечества», – грустно подумал он.

Вскоре люди успокоились и были готовы к обсуждению этого странного заявления. Со своего места поднялся японец, и заговорил на своём родном языке. Леонов через специальный наушник слушал перевод того, что говорил маленький смуглый человек.

«Наверное, они корректируют перевод», – подумал ученый и представил, что на самом деле мог говорить японец. Ничего хорошего в голову не пришло.

«Мы здесь собрались», – раздался голос из наушников, – «чтобы решить, как нам всем не умереть с голоду и не погибнуть в очередном катаклизме, и выступление археолога на ассамблее, посвящённой климату, мне странно наблюдать. Однако сейчас мы не можем пренебрегать любым вариантом изменения ситуации, даже абсурдным», – Леонов заметил, что многие закивали, – «Не могли бы уважаемые докладчики объяснить техническую суть открытия и его важность для нас?», – заключил японец.

Теперь эстафета перешла к физикам. Со своего места медленно поднялся почтенный седой профессор и неторопливо прошёл к трибуне. Он чувствовал, что атмосфера напряжена, все ждут его разъяснений, но, тем не менее, продолжал двигаться медленно и невозмутимо.

Подойдя к микрофону, он также неторопливо разложил перед собой бумаги и поправил очки.

– Уважаемые дамы и господа, позвольте представиться, я Ковалёв Николай Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, являюсь научным сотрудником НИИ физики энергий. Нашими коллегами археологами была проделана огромная работа, которая вовлекла в процесс представителей различных наук. Это, несомненно, величайшее открытие нашего века. Дело в том, что находка дала нам теоретическую основу для создания аппарата, работающего с самой тонкой субстанцией, какая только есть в мире, – он сделал паузу и поправил очки, – энергией. Как выяснилось, у древних цивилизаций были подобные машины, и они использовали их. На основе этих данных мы построили современные модели и провели исследования, каждый раз увеличивая объект испытания. Прошу обратить внимание на результаты наших экспериментов, – свет снова погасили, и на экране появилась фотография абсолютно голой и мёртвой земли, – это поле находится в Ростовской области Российской Федерации. Как вы можете наблюдать, земля непригодна для ведения на ней сельскохозяйственных работ из-за засух и пожаров, терзающих этот регион каждый летний период вот уже на протяжении нескольких лет. В этом районе уже практически никто не живёт, поэтому нам была предоставлена полнейшая свобода действий.

На экране появилась другая фотография. В зале раздалось удивлённые возгласы и громкий шёпот.

– По прошествии полугода вы видите то же поле: оно дало урожай, который теперь кормит жителей близлежащих областей на протяжении всего этого года, – все взгляды были устремлены на цветущее злаковое поле, – мы добились соответствующего эффекта с помощью наших разработок, основанных на древних данных, обнаруженных моим коллегой, археологом Александром Леоновым, – профессор чуть обернулся к коллегам, и все увидели его блестящие умные, с прыгающими задорными искорками, глаза, – если говорить, не вдаваясь в подробные описания, мы изменили энергетическую структуру породы и превратили бесплодную землю в плодородную. Это лишь один наш эксперимент, мы решили использовать его для наглядности. Нами также были проведены испытания в различных уголках земного шара, и, надо сказать, результаты не менее впечатляющи.

Профессор умолк и снова поправил очки в тонкой оправе. Он ожидал вопросов, которые должны были посыпаться, но в зале слышался лишь громкий шёпот на множестве иностранных языков.

Наконец, один из делегатов прервал молчание.

– То есть, вы, уважаемый профессор, – обратился к докладчику представитель Франции, – хотите сказать, что существует механизм, способный глобально влиять на планету и на её климат, делая его таким, какой нужен человечеству? Но это же... – Он нервно пригладил волосы, – невероятно...

Человек, сидевший рядом с ним, представитель США, скептически усмехнулся. Он вообще считал эту затею бредовой. Это был мужчина с землистого цвета лицом, выглядевший нездоровым. Не так давно ему поставили диагноз: рак желудка в начальной стадии. Врачи делают всё, чтобы отсрочить неизбежное, но в глубине души он знал, что никакие деньги в мире не смогут спасти от болезни, поедавшей его изнутри.

Он тяжело откашлялся и проговорил:

– Это просто абсурд, дамы и господа. Какие-то псевдонаучные бредни. Нашими учёными давно разработан проект, который сможет обеспечить население земли продуктами питания. Это сделают наши химики и микробиологи. Первые образцы искусственно выращенных и клонированных овощей и других продуктов уже прошли первые испытания, и результаты превосходны. Мы можем начать поставку наших продуктов уже сейчас. А сколько времени потребуется вам?

Зал одобрительно загудел.

Ковалёв улыбнулся.

– На свете есть много невероятного, и сейчас мы стали свидетелями того, что невероятное становится реальностью – прорывом в науке, – сказал профессор, – уверяю вас, что всё это чистая правда, абсолютно доказанная. Мы уже начали эксперименты в этой области, как вы можете понять, времени зря терять не стоит, и первые результаты наших опытов подтвердили теоретические данные. То, что нашли господин Леонов и его коллеги поистине феноменально, и это может работать на пользу всему человечеству.

– Вы не ответили на мой вопрос, господин профессор. И не убедили меня, – не унимался американец, – я слышу лишь сплошные уверения. Почему все мы должны верить вам?

Леонов нервничал.

«Они не понимают», – безрадостно подумал он.

Слева от него с резким звуком отодвинулся стул. Его институтский товарищ, который с самого начала помогал осуществлять эту невероятную затею, Игорь Иванов, встал со своего места и уверенно одёрнул свой пиджак.

Иванов оказался самым первым, кто искренне поверил в Леонова и стал помогать ему. Сомнения, конечно, оставались, были они и у самого Леонова, да и время тогда было не очень спокойное, но, не смотря на свой природный скептицизм и язвительность, он не бросил друга с его затеей. И не зря.

Игорь проделал огромную работу по поиску людей, которые вошли в команду. Он обзвонил всех друзей и знакомых и знакомых знакомых, стараясь убедить их участвовать в экспедиции. Он направлял заявки в зарубежные университеты, сутками сидел у телефона и ноутбука, постоянно проверяя электронную почту, и, наконец, усилия увенчались успехом: они сформировали команду блестящих учёных. С этого началась большая работа.

Игорь стремительно подошёл к смущённому профессору.

– Меня зовут Игорь Иванов, я ученый-археолог как и мой коллега Леонов, – представился он. – Мы слышали доклад американских учёных, – сказал Иванов, – но позвольте спросить, уважаемый посол, насколько доступна ваша технология? Сколько людей смогут получить доступ к этим продуктам? Наконец, насколько полно она решает проблему выживания человека в условиях климатического кризиса? – Американец молчал, но лицо его говорило красноречивее любых слов. Будь его воля, он прямо сейчас раздавил бы эту надоедливую русскую букашку. Игорь продолжал, – уже в ближайшем будущем на планете, сотрясаемой катаклизмами, может не остаться никого, кто мог бы наслаждаться воспроизводимой пищей. Но вы ведь всё предусмотрели: вы построили несколько подземных бункеров с полным циклом жизнеобеспечения. Но для кого они? Даже в критические для *всей планеты* времена вы думаете только о том, как спасти несколько избранных, которые и так имеют всё! – Игорь яростно отпил воды.

– Это провокация! – вскрикнул американец, вскочив с места, – ваши обвинения беспочвенны!

Зал внимательно следил за перепалкой, не вмешиваясь. Сердце Иванова от злости бешено стучало в груди. Леонов тревожно наблюдал за происходящим. Профессор Ковалёв отступил от трибуны, полностью отдав её во власть рассвирепевшего Игоря.

– Это слишком неудобные вопросы, которые выставляют напоказ тщательно замаскированные недостатки ваших исследований, не так ли, посол? – Тихим голосом произнёс Игорь. Он оторвал испепеляющий взгляд от багрового американца и обвёл взглядом всех собравшихся, – да, наш метод требует времени. Да, он тоже недёшев, но он ничего не будет стоить простым людям. Он способен решить проблему в корне, а не только замаскировать последствия. И, да, я буду называть вещи своими именами – наш метод не позволит кому-то в очередной раз обогатиться за счёт всех остальных, как бы на это ни рассчитывали. Наше устройство со временем сможет восстановить земной климат, вернув времена, когда поля цвели, леса были зелены, а вода была чиста и пригодна для питья. И никто от этого не пострадает.

Больше вопросов не последовало. Игорь выдохнул и сошёл с трибуны. Профессор поправил очки и, вслед за Ивановым, занял своё место.

Теперь в зале воцарилась абсолютная тишина, никто даже не шептался. После долгой паузы слово взял представитель Германии.

В наушнике снова зазвучал голос:

«Если у вас есть план действий и готовая смета, мы просим выступить».

По спине забегали мурашки, внезапно стало жарко, Леонов и не мог подумать, что речь зайдёт о возможном осуществлении проекта и даже о его примерной стоимости. Он даже и помыслить не мог, чтобы... В этот момент со своего места встал доктор Андерсон, еще один физик в команде Леонова, и решительным шагом прошёл к трибуне.

– Не волнуйся, – раздался чуть сорванный голос Игоря.

Он улыбался.

Чувство благодарности ребятам, как маленький росток, начало пробиваться откуда-то изнутри, в мозгу первый раз за весь день мелькнула мысль, что всё будет хорошо. Он расслабился и перевёл взгляд на Майкла, который уже начал свою речь, и, судя по удивлённо-заинтересованным лицам членов ООН, их проект имел успех.

– Таким образом, этот международный проект потребует больших вложений, это факт, – говорил Андерсон, стоя перед взором множества изумлённых глаз, – мы подготовили план финансирования в рамках специального фонда под руководством пяти держав, согласившихся создать основной фонд. Помимо России, Китая, Бразилии, Британии и Германии согласие принять участие в проекте дали Япония, Индия, Аргентина, и Австралия, – он откашлялся в кулак, – мы также будем приветствовать любых спонсоров и вообще каждого, кто пожелает внести любые средства в этот проект, поскольку речь сейчас идёт о, не побоюсь сказать, спасении мира.

3

Леонов сидел в нагретой печкой машине, свободно откинувшись на сидение. Шофёр в фирменной фуражке уверенно крутил баранку автомобиля. Он совершенно не обращал внимания на пассажира. Шофёров, обслуживающих подобного рода мероприятия наверняка готовили в специальных школах. Их учили быть невидимками, чтобы пассажиру было максимально комфортно ехать в автомобиле. Леонов вспомнил московских таксистов, матёрых мужиков с папиросами, крепко стиснутыми между зубов, иногда матерившихся, когда какой-нибудь лихач подрезал машину. Он вспомнил шум пробок, шум города, который он увидит ещё очень не скоро.

Сейчас он сидел в роскошном, по меркам простого русского человека, автомобиле и думал. Мысли в голове текли, неторопливо переливаясь, как разогретое на сковороде масло. Иногда на поверхности показывались то одни детали жизни, то другие.

Он вспомнил, как сын, будучи маленьким, неудачно наступил на игрушку и подвернул ножку. Сын не плакал, повёл себя как настоящий мужчина, хотя ему было всего три года, и дал врачу осмотреть больное место. Сейчас ему уже восемнадцать.

Автомобиль доставил его к отелю, шофёр открыл дверь и, сдержанно улыбнувшись, пожелал хорошего вечера.

Леонов добрался до номера, бросил ключ на комод в прихожей и, не раздеваясь, рухнул на постель, закрыл глаза и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

Он не стал звонить ребятам и обсуждать сегодняшнее выступление, ему сейчас хотелось просто побыть одному.

Леонов сорвал с шеи галстук. Он ненавидел галстуки, просто не понимал, для чего они нужны. Для него они олицетворяли перевёрнутую петлю, ему всегда было жаль людей, которые стремились купить этот атрибут светской жизни подороже. Чем дороже петля, тем престижнее вгонять себя в братскую могилу мира бизнеса, всё одно, считал он. Оторвав себя от мягкой кровати, Леонов побрёл в ванную, чтобы ополоснуть лицо, пока не отключили воду, а когда вышел, услышал, что звонит телефон. Он колебался, поднимать ли трубку. Это могли быть назойливые портье, звонящие узнать, нужно ли ему что-нибудь. С другой стороны, это могли быть ребята с какими-нибудь важными новостями.

Нерешительно он протянул руку к трубке и поднял её.

– Ну наконец-то! – Раздался голос Майкла, он был подозрительно весел, – Саша, я тебе звоню уже целую вечность, ты собираешься отметить удачу или нет? По-моему мы взорвали огромную бомбу, – в трубке раздался смешок и другие знакомые голоса, – мы тут неподалёку на набережной, это в двух минутах пешком, мы тебя ждём.

Леонов грустно улыбнулся. Ребята радовались, а он совершенно не разделял их чувства.

– Майкл, я чертовски устал, перенервничал. Празднуйте без меня. Я нас от всей души поздравляю, – тихо проговорил Леонов.

– Не говори ерунды, русский! – прокричал в трубку Майкл, – ты просто обязан выпить, иначе твоя славянская задница потом будет жалеть об этом.

– Не все русские – пьяницы, Майкл, – ответил Леонов, и переложил трубку из одной руки в другую, – вы, европейцы, никогда не избавитесь от глупых предубеждений. Веселитесь без меня, уверяю, моя славянская задница переживёт вечерок без алкоголя.

– Ну, как знаешь, – проворчал голос в трубке, – и не говори потом, что я не предлагал. До завтра.

В трубке раздалась гудки.

Леонов усмехнулся, ребята были так счастливы. Понимают ли они ответственность, которая ложится на их плечи? Он вздохнул, его не интересовали ни вечеринки, ни празднования, ни премии, ничего.

Леонов забрался в постель и постарался заснуть. Это ему удалось не скоро, и сны были беспокойные.

Под утро, когда блёклое европейское солнце показалось на горизонте, учёный наконец смог заснуть крепко.

4

Леонов стоял перед зеркалом в ванной и разглядывал своё помятое лицо, казавшееся ему лицом совершенно незнакомого человека. Тёмная щетина, успевшая пробиться за ночь, круги под заспанными глазами. Насколько он помнил, он никуда не пошёл вчера вечером,

как ни настойчиво упрасивал его Андерсон. Сейчас он видел в зеркале человека, по виду страдавшего тяжёлым похмельем. Чувствовал он себя тоже не блестяще: беспокойный сон дал о себе знать. У него болела голова, а всё остальное тело чувствовало какую-то неприятную слабость.

Леонов кое-как привёл себя в порядок: умылся, побрился и надел потёртые джинсы, футболку и пиджак – сегодня можно было выглядеть неформально. Он с облегчением подумал, что после нескольких предстоящих пресс-конференций он сможет хотя бы ненадолго вернуться домой, в Россию, чтобы... Чтобы просто последний раз побыть на родине.

Впереди его ждало совершенно новое незнакомое место, где они всей командой и другими учёными будут жить и работать над глобальным проектом, которому дали имя «Гея». Примитивно, считал Леонов, однако, спорить не мог, поскольку их исследование напрямую касалось всего, что связано с планетой.

Он вышел на балкон своего номера, где на небольшом столике стояла маленькая, очень маленькая дымящаяся чашечка кофе и лежала стопка утренних газет. Леонову не хотелось туда смотреть. Он не любил газет и всегда предпочитал читать научный журнал или какую-нибудь хорошую книгу.

«Искусственное изменение климата: фантастика или реальность?». Как и предполагалось, все газетные заголовки кричали о них.

О нём.

Ведь это он запустил эту машину много лет назад. Всё это казалось сном. Леонов допил химический суррогат имитирующий кофе и вышел из номера.

Неделя после выступления на ассамблее показалась ему адом. Постоянное внимание журналистов, вспышки их камер, бьющие по глазам. Пресс-конференции и вопросы. Вопросы.

Бесконечные, язвительные, задающиеся надменными голосами. Он смотрел на всех этих людей и думал, осознают ли они происходящее вокруг? Казалось, что каждый будто завернут в собственный кокон и видит вокруг себя только то, что хочет видеть. Только то, что не нарушает целостную оболочку мирка, заботливо сплетённого для себя, не ставит нос к носу с проблемами, которые, должны затрагивать всех людей. А люди не хотят встречаться с реальностью. В голове неожиданно промелькнула мысль. Леонову она показалась банальной и очень грустной.

Наша жизнь стала пародией на самое себя.

Каждый раз, сидя перед ненасытной толпой журналистов на жёстком стуле, Леонов пытался как можно короче и понятнее ответить на их вопросы. Ему казалось, что он что-то мямлил, но они оставались довольны.

В последующие несколько месяцев после «большого выступления», как называл его Игорь, о них начали говорить, писать в прессе, назначать деловые встречи, приглашать на бизнес-вечеринки. Открытие породило волну живейших дискуссий и споров в научном мире, который гудел как растревоженный улей. Впрочем, Леонову казалось, что гудит вообще весь мир. Коллеги-физики выпустили несколько научных статей в уважаемых журналах. Особенно был этим горд профессор Ковалёв: он был главным автором этих статей, его имя было у всех на устах. Впрочем, будучи от природы скромным человеком, профессор старался скрыть свою радость по этому поводу и лишь спокойно выступал на симпозиумах, читал лекции и выпускал новые статьи.

Леонов всё это время чувствовал себя неудобно: всё это внимание, журналисты и костюмы, которые он должен был надевать каждый раз перед поездкой на очередное «шоу». Всё это напоминало ему цирк уродцев, где гвоздём программы был он сам.

Он устало провёл рукой по лицу и понял, что последняя встреча его вконец измотала. Это был очередной спонсор, скорее желавший засветить своё имя в крупном международном проекте, чем просто помочь группе людей, пытающихся изменить этот мир.

Как только точная информация о том, какой доклад был сделан на ассамблее ООН, попала в прессу, был организован международный фонд, и стали поступать первые предложения о сотрудничестве. Постепенно тонкий ручеёк денежных взносов превратился в бурную финансовую реку, и, при поддержке многих правительств, пришлось создать специальную команду, которая стала курировать финансы. Леонов отдал это на откуп коллегам Майкла, которые составили первый план для «большой пятерки».

Отчасти, Леонов понимал, что такой интерес могло вызвать только многомесячное ожидание и интрига, подогреваемые вездесущими журналистами. Слухи о том, что группа учёных из разных стран под руководством русских готовит нечто грандиозное, как сообщали достоверные источники из всевозможных служб связей с общественностью. Леонов, Игорь Иванов, профессор и все остальные старались сохранить в тайне информацию, чтобы она не просочилась в СМИ раньше срока. Это стоило им невероятных усилий, и, отчасти, план удался.

Осуществление задуманного должно было начаться со строительства нескольких подземных баз в местах сильной активности, тектонической и энергетической. Подземными их решили сделать с точки зрения безопасности, чтобы никакие террористы не смогли добраться ни до персонала, ни до оборудования, да и современные технологии позволяли снизить риск обвалов при строительстве до минимума. Стандартная база в проекте уходит на несколько уровней вглубь, каждый уровень имеет своё назначение: лаборатории и научный центр в самом низу, апартаменты для сотрудников и персонала выше, ещё выше столовые, и так до первого уровня, который находится на поверхности, где располагается охрана и пропускной пункт. Весь комплекс венчает прозрачный купол из специального светопоглощающего стекла, выполняющий роль батареи.

На строительство уйдёт несколько лет, при условии, что порода будет вести себя идеально. Пока что учёные будут исследовать и совершенствовать теорию и практику.

Только через несколько лет ему предстоит отправиться вместе с командой в один из новых подземных городов-баз на постоянное место жительства. Там они продолжат работать над изучением свойств аппарата и всего, что с этим связано.

Там они, наконец, перейдут к осуществлению плана.

Если на контрольной базе крупномасштабный эксперимент удастся, то же самое будет осуществлено на других базах в других местностях, которые, объединившись, покроют радиусом своего действия всю планету... Таков был план в теории.

Не то, чтобы Леонов боялся всего этого, он этого даже хотел, но какое-то странное беспокойное чувство бередило душу, норвило вогнать в смятение. В голову постоянно лезли какие-то непонятные мысли, память терзали воспоминания...

Глава 3

1

Он проснулся в поту, резко подскочив на кровати. Пружины кровати скрипнули под весом его тела. Леонов глубоко и неровно дышал, как человек, только что очнувшийся от кошмара, но снился ему не кошмар, это он помнил точно.

Леонов провёл дрожащей рукой по мокрому лицу и смог наконец различить знакомую обстановку своей квартиры. На часах не было ещё и пяти утра, но солнце, показавшееся над горизонтом, светило сквозь дыру в занавеске. Леонов опустил на подушку, но спать больше не мог. Он осмысливал только что увиденное во сне.

Сон был настолько реальным, что Леонову казалось, будто всё произошло с ним наяву. Тяжесть рюкзака за плечами, шорох кустов, ощущение лесной прохлады... Во сне он знал, куда шёл. Он определённо точно знал, место, где находилось что-то очень ценное. И он должен был это что-то найти.

Полежав ещё некоторое время, Леонов сел на кровати, потянулся и встал. Он направился напрямик к письменному столу, на котором стояла пишущая машинка, а рядом валялась куча бумаг. Он сел на скрипнувший стул, придвинул к себе машинку и застучал по клавишам.

«10 июля 2002 года.

Очередной сон про экспедицию. Уже шестой за последние две недели. Не скажу, что они мучают меня, даже приятно вспомнить былые чувства и студенческие времена. Да и потом... пока была работа.

Каждый раз я всё ближе и ближе к тому месту. Если так будет продолжаться, то через неделю я уже буду знать точно, куда иду во сне. И, что самое главное, зачем.

Сны такие реальные. настолько реальные, что трудно потом прийти в себя и понять, что это было не по-настоящему. Походы, ночи у костра, тушёнка в банках. Интересно, приносится ли мне походная ночь? Мне бы очень хотелось почувствовать всё это ещё раз. Может быть в самый последний... во сне... Хотя бы так, чем никак».

Леонов отвлёкся от машинки и посмотрел на восход: окна его квартиры выходили на восточную сторону.

Похоже, денёк обещал быть жарким и безоблачным. Леонов отошёл от машинки и открыл окно, занавески всколыхнулись от ветерка.

2

Он начал вести личный дневник спустя два с половиной года после того, как закрылся научный институт, где он ещё студентом проходил практику, а потом и работал, ни много, ни мало, пятнадцать лет. Денег в семье не осталось, жена терпела, сколько могла, но, в конце концов, забрав сына, с диким скандалом ушла от него. Леонов долго переживал всё то, что с ним случилось, но нашёл в себе силы принять это и смириться. Он пошёл на биржу труда и устроился подсобным рабочим на фабрику обуви. Вскоре жена подала на развод, и он остался совсем один. Бывшая, теперь уже, жена не просила от него алиментов, потому как причиной её ухода стало как раз отсутствие в семье нормального достатка. От общих знакомых он потом узнал, что она пошла учиться на секретарские курсы и устроилась работать в какую-то фирму.

В итоге всё, к чему он пришёл за почти сорок лет своей жизни, была однокомнатная квартира, доставшая в наследство от матери, со старыми обоями, кое-где отошедшими от стен, старой скрипящей кроватью, которая когда-то своим скрипом не давала спать по ночам сосе-

дям, у окна стоял деревянный круглый стол. Пара растений на подоконнике и лампа с абажуром на потолке, вот и вся нехитрая обстановка. Благо, квартира находилась рядом с парком, где Леонов постоянно гулял, обдумывая свою жизнь и будущее, которое не обещало ничего радужного.

Каждый день, возвращаясь с работы, он час гулял по парку, а в выходные проводил там не меньше трёх часов, пока не замерзал или пока желудок не начинал требовать очередной порции макарон с килькой. Тогда он возвращался в своё жилище, которое представлялось ему неким убежищем, бункером, отгороженным от всего остального мира, и подолгу размышлял о всякой всячине, стоя у окна. Старый дисковый телефон всегда молчал. Никто не звонил ему, и он никому не звонил. Ни старым друзьям, ни бывшей жене, никому. Единственным напоминанием о связи с внешним миром были счета, которые он каждый месяц находил в своём почтовом ящике.

Наверное, никогда в жизни у него не было столько времени на раздумья. Работа тоже не отвлекала от дум, так что всё своё свободное и несвободное время Леонов думал. О прошлом, о несправедливости и, вообще, о жизни.

Одиночество сначала казалось ему странным, непривычным. Когда он приходил домой, никто не выходил встречать его, никто не рассказывал ему о событиях прошедшего дня, о мыслях, пришедших в голову. Его встречала тишина, и только тиканье часов нарушало её. Постепенно он привык и даже счёл это полезным.

В конце концов, в один прекрасный день Леонов вернулся с прогулки домой с пишущей машинкой, которую приобрёл на местном блошином рынке у одного старичка.

Он расчистил стол от старых газет и всякого мусора, который непременно накапливается, если всякую вещь класть на стол и забывать про это. Он отнёс скопившиеся газеты в прихожую, а кружки на кухню, и на освободившееся место поставил машинку. Потом он сходил на кухню за единственным стулом, сел напротив машинки и стал думать, с чего начать. Он провёл рукой по непривычно жёстким кнопкам старого аппарата, ощутил холод металла и подумал, что, может быть, когда-то эти кнопки вершили чью-то судьбу. Сколько строк, гневный или радостных, было напечатано здесь, и вот теперь он сам будет создавать свою судьбу с помощью этой простой старой, может быть даже антикварной, пишущей машинки фирмы «Ундервуд».

Леонов ещё постучал пальцами по столу и занёс руки над кнопками.

«29 октября 1999 года.

Это моя первая запись...»

Написав эти слова, он задумался, но потом продолжил, уже не останавливаясь. Мысли нахлынули бурлящим потоком, изливаясь на бумагу, как воды реки, долго сдерживаемые плотиной, но теперь, когда преграда была убрана, они, наконец, дали волю всей накопленной мощи. Он начал с описания того, что привело его к такой жизни.

«...Что я делал эти два года после того, как от меня отвернулись все, кого я знал? Я и сам часто задаю себе этот вопрос. Первое время после развода я даже не понимал, что делать дальше, всё казалось пустым и совершенно глупым. Всё своё более чем свободное время я отдавал пессимистическим рассуждениям и постоянно жалел себя. Я думал, почему я такой ничтожный и маленький, что не могу хоть на каплю изменить даже свою жизнь в лучшую сторону, уж не говоря о жизни моих близких. Я понимаю Аню, понимаю, почему она предпочла жизнь без меня, и не виню её, ведь тогда я был действительно жалким и ничего не делал, чтобы исправить эту ситуацию. Это продолжалось ещё какое-то время, до тех пор, пока в один день я не посмотрел на себя в зеркало и совершенно не узнал в том заданном жизнью человечешке Александра Леонова, кандидата исторических наук, бывшего археолога и обладателя первого разряда по боксу. Так что, я умылся, сделал своё лицо таким, чтобы на него было не страшно смотреть, и пошёл на биржу труда в поисках работы.

Признаться честно, в тайне я надеялся, что меня возьмут на место какого-нибудь лаборанта при каком-нибудь НИИ, но эта надежда растаяла как снежинка весной, когда спустя две недели мне не пришло уведомления хоть о какой-нибудь работе, пусть даже самой низко квалифицированной. Спустя ещё некоторое время наконец стали поступать предложения о работе на фабриках, в магазинах и на комбинатах... грузчиком, кладовщиком, сторожем...

Но всё не так плохо, как кажется на первый взгляд. Если подумать, то очень, очень много людей находятся в положении куда хуже моего, но от этой мысли светлее на душе не становится.

Я много думаю, когда гуляю. Единственный плюс моей ситуации в том, что мне никто не мешает думать, а думаю я обо всём на свете. О прошлом, о том, что всё могло сложиться по-другому. О настоящем, оно не такое уж и плохое, но, по-моему, я уже говорил об этом.

Жизнь постепенно стала размеренной, и мне это даже стало нравиться...»

Он просидел за машинкой всю ночь, стуча по жёстким клавишам усталыми пальцами. Постепенно записи стали чем-то вроде дневника и заменили ему друзей и знакомых, с которыми он когда-то общался. У записей было одно неоспоримое преимущество, которое в равной степени было и недостатком. Бумага могла принять на себя всё, что бы ни написал на ней Леонов. Она была самым замечательным слушателем, какой только был на всём свете. Но она не могла дать совет, не могла посмотреть ему в глаза и сказать: «Дурак ты, Леонов, ничего ты так и не понял».

Со временем количество исписанной бумаги росло, на столе образовалась небольшая стопка листов, что он исписал за последний месяц осени.

Параллельно с тем, как росла стопка на столе, а погода за окном становилась всё хуже, Леонов начал думать, что в жизни надо что-то менять, потому как подобное существование уже вогнало его в тоску, а если так будет продолжаться, то скоро вгонит и в могилу. В начале зимы Леонов стал уставать от своей размеренной жизни. Слишком спокойной и размеренной.

«Если нет в жизни смысла, зачем и жить-то тогда», – думал Леонов, шагая по знакомой дорожке в парке. Впереди он увидел человека, гуляющего с собакой. Человек кинул деревяшку, и собака с радостным лаем помчалась вслед за ней.

«Может, собаку завести...», – подумал Леонов, – «вот тебе и компания будет». Но ему пришлось отвергнуть эту мысль: у него была жестокая аллергия на животных.

В грустном расположении духа он вернулся домой. Зайдя в квартиру, Леонов заметил, что форточку захлопнуло ветром, и в комнате образовалась духота.

Он распахнул окно и облокотился на подоконник. Холодный ветер начал трепать отросшие тёмные волосы. Леонов вспомнил, что уже давно не стригся, да и борода порядочная отросла.

«Если хочешь начать жизнь сначала, сперва побрейся и вообще приведи себя в порядок. Вроде не старый мужик ещё, а выглядишь как дед», – подумал он про себя и вспомнил, как недавно в аптеке девушка-фармацевт спросила, не помочь ли ему прочитать ценник. Он грустно рассмеялся.

Леонов постоял ещё пару минут около окна, пока совсем не замёрз, а потом пошёл в ванную менять свою порядком осточертевшую жизнь. Выйдя из ванной, он, вопреки ожиданиям, не почувствовал себя обновлённым, заметно было только то, как ветерок обдувает ставшую гладко выбритой кожу. Но Леонов запретил себе унывать, ведь это только начало.

«23 декабря 1999 года.

На днях мне пришла мысль, что так больше жить нельзя, надо что-то менять, прекращать тухнуть одному в этой квартире...

Главное, настрой есть, а там будет всё хорошо. Мои успехи пока не велики: я всего лишь побрился, первый раз за долгое время. Завтра схожу постричься, да, и ещё надо купить

открытку и хоть какой-нибудь подарок. Через два дня у Алёшки день рождения, в этом году он уже закончил начальную школу. Интересно, какие у него отметки. Надеюсь, хорошие, не в кого ему дурнем быть...».

Леонов улыбнулся: мысль о сыне приятно согрела его.

«Я так хочу его увидеть, ведь два года прошло, он, наверное, подросток. Я бы его боксу научил... А вот и куплю ему боксёрские перчатки. Зная Аню, конечно, могу сказать, что она как всегда их в окно выкинет, как увидит, ей вообще никогда не нравилось, что я каждый год поздравляю его с праздниками, с днём рождения обязательно, с Новым годом, даже с именинами...»

Леонов вспомнил, когда он увидел сына на следующий день после своего первого дня рождения, отмечавшегося уже без него, Алёшка грустно сообщил, что сильно скучает, а мама порвала присланную им открытку на мелкие кусочки.

«Что ж, она имеет право злиться».

Ведь за все два года жизни в разводе он не поздравил с днём рождения ни разу, хоть и бывшую, но жену, женщину, которую он любил, да и до сих пор, наверное, любит...

Он не был в магазине одежды с тех пор, как последний раз покупал ребёнку зимнюю шапку. Сын просил такую. Зелёную. С помпоном.

В субботу утром он встал привычно рано. «Тем лучше», – подумал Леонов, – «не будет толкучки». Как обычно, в предновогодние дни люди спешили за недокупленными мелочами, которые всегда, почему-то, заполняли все захваченные с собой сумки. Мелочами вроде новых игрушек на ёлку или гирлянд, или красивых салфеток, или ещё чего-нибудь непременно необходимого, хотя Леонов сомневался, так ли уж это важно.

Он ходил по рядам ещё не заполненным покупателями, радостными от предвкушения Нового года. В этом предвкушении, считал Леонов, как раз и была вся эта романтика, вся радость и великолепие, вся соль каждого праздника, каждого важного события. А когда празднование завершается, от него остаётся лишь горький осадок чего-то необратимо утраченного...

Проходя мимо лотка с канцелярскими товарами, сонный продавец которого только выставлял их на прилавок, Леонов увидел красивую большую папку с золотым орнаментом на тёмно-бардовой обложке. Он остановился и взял вещь в руки.

– Эта сто руплей, дарагой, – громко, с узнаваемым акцентом жителя Кавказа произнёс торговец, не переставая раскладывать товар.

– Так дорого, – задумчиво протянул Леонов, вертя в руках тетрадь, открывая её и перелистывая страницы.

– Не хочишь, ни пакувай! – Торговец всплеснул руками.

– Нет, я беру, – сказал Леонов неожиданно сам для себя и полез в карман за деньгами.

Леонов с каким-то трепетом взял свою покупку и провёл рукой по обложке. Она была гладкой и холодной.

Теперь все его записи будут храниться здесь.

3

– Уважаемые пассажиры, просим Вас занять свои места и пристегнуть привязные ремни, наш самолёт взлетает, – оповестил через динамик приятный женский голос.

Леонов вздрогнул от неожиданно раздавшегося из динамика голоса, спугнувшего его дремоту, пристегнулся и снова закрыл глаза. Он летел домой.

Только что закончилось строительство первой подземной лаборатории, и учёный чувствовал себя измотанным. Он был рад, что в их напряжённейшем графике нашлось несколько дней, чтобы подготовиться к переезду на новое место работы, которое станет теперь и новым домом. Игорь уехал в отпуск с женой, повидав перед этим детей и своих родителей. Профес-

сор Ковалёв, который и так был практически не разлучен со своей внучкой, по совместительству его помощницей, улетели в Россию на несколько дней раньше Леонова, Майкл отправился в Йорк к родственникам, другие члены команды тоже разъехались кто куда.

Леонов покинул базу последним. Ему не с кем было попрощаться и некуда возвращаться. Одежда, всякое мелкое барахло, типа часов и зарядки для телефона было у него и так с собой.

Первое, что он сделал сразу по приезде в Москву, сходил на кладбище к родителям. Он провёл там, наверное, пару часов, сидя у могилы на маленькой скамеечке, усыпанной осенними листьями. Он говорил с ними, рассказал, чего добился, и чего, может быть, ещё добьётся. Слова, которые он произносил, звучали как оправдание.

С каждым произнесённым словом, Леонов понимал, что он всё больше извинялся, как провинившийся ребёнок, разбивший мамину любимую вазу... Только он уже давно вырос, а родители давно лежат в земле. Учёный думал, что, поговорив с ними, обретёт хоть каплю покоя и уверенности в том, что всё делает правильно. Но облегчения, на которое он так надеялся, к нему не пришло. Он сильнее запахнул плащ и грустно подумал о том, куда ушла вся романтика. Леонов вспомнил, то время, когда всё только начиналось, когда не была даже собрана первая экспедиция. Вспомнил себя тогдашнего, всклокоченного, бегающего туда-сюда. И безгранично счастливого.

Куда ушло то время? Куда ушёл настрой? Ведь он делает большое дело.

Он никогда не забудет лица селян, которые заводили свою заржавевшую технику, чтобы впервые за много лет собрать урожай на том ожившем поле. Сияющие глаза их детей, которые впервые за свою коротенькую жизнь видели цветущее поле и бегающие по нему от ветра волны. Тогда он даже не думал о той работе, которую придётся делать, чтобы их маленькая идея превратилась в грандиозный механизм, охвативший весь мир. От такого масштаба становилось страшно.

Учёный встал со скамьи, закрыл калитку ограды, как всегда со скрипом, подумал, что хорошо бы её смазать. Остановился и усмехнулся: теперь он этого сделать не сможет.

– Так и скрипит, – услышал он за спиной до боли знакомый голос. Как будто его далёкое прошлое внезапно ворвалось в настоящее, ломая все законы времени. Перед ним стоял он сам, только моложе и с более тёмными волосами. Подтянутый, здоровый. Счастливый.

Сын подошёл к Леонову и протянул руку. Учёный неуверенно пожал её.

– Я словно чувствовал, что надо съездить сюда, – сказал Лёша.

– Я тоже... – ответил Леонов и, наконец, крепко обнял сына.

Он мучительно пытался найти для него хоть какие-то слова, но голова была абсолютно пуста, будто кто-то стёр все мысли ластиком.

– Я уезжаю сегодня, – только и смог произнести он.

– Вот как, – сын погрустнел.

– Как мать? – Спросил Леонов.

– Она в порядке. Живёт на даче, иногда приезжает ко мне.

– Ясно.

Разговор не клеился.

– Я вот принёс масло и краску, – Лёша показал пакет с торчащей из него кистью, – хотел привести всё в порядок.

Леонов кивнул и посмотрел на часы. Кажется, у него еще оставалось немного времени, чтобы помочь Лёшке обновить ограду.

– Пап, – это слово эхом отдалось в сердце Леонова. Он посмотрел сыну в глаза и снова увидел маленького карапуза, который носился по квартире и что-то мастерил из детского конструктора, – я хочу сказать тебе, что горжусь тобой. Я всё время следил за новостями и всем рассказывал, что это открытие сделал мой отец.

Леонов улыбнулся, еле сдерживая внезапно подступившие слёзы. Как ему не хватало этих слов...

Они справились с работой быстро, трудясь в молчаливом согласии, и вот ограда снова стала как новенькая, а калитка перестала скрипеть.

– Приезжай к нам как-нибудь, – сказал сын, – познакомлю тебя с девушкой.

– Конечно, – ответил учёный, – приеду.

Он достал из кармана плаща свою визитку.

– Вот, – Леонов протянул её сыну, – мои новые электронные контакты, пиши в любое время.

Они снова пожали друг другу руки, и учёный зашагал прочь с кладбища.

В назначенный час к отелю, где он остановился, подъехала машина. Иномарка, готовая отвезти его в аэропорт для вылета на базу. Постояв ещё некоторое время на балконе и глядя на родной город, Леонов мысленно прощался со всем, что его окружало. Словно прощался с прошлым. Он подхватил лёгкую сумку со всем необходимым на первое время и вышел из номера.

Первую базу было решено построить в Мексике, где физики продолжили ещё неуверенные эксперименты после успеха на родине. Там находилось всё необходимое оборудование, и было сочтено перевозить его куда-то ещё лишней тратой времени и средств.

Самолёт с пересадкой в Штатах доставил его в Мексику в аэропорт Бенито Хуареса, где его ожидали остальные члены команды: Игорь, Майкл, профессор Ковалёв, который явно нервничал по поводу перелётов, Маша Ковалёва, внучка профессора, Пётр Нестеров, физик, который был одним из немногих, кто согласился участвовать в первой экспедиции, биолог из Японии доктор Макото и первые ассистенты. Все вместе они загрузились в небольшой частный самолёт, который доставил их на маленький аэродром недалеко от Кордовы. Пересев на большие джипы, вскоре они добрались до места назначения.

Сквозь клубы пыли на подъезде к базе они увидели большой купол из стекла, возвышавшийся над зелёной равниной и сверкавший на солнце как алмаз.

– Как красиво! – Воскликнула Маша, придерживая шляпу, и не давая ей улететь от сильного ветра.

Леонов огляделся с улыбкой: глаза ребят, сощуренные от ветра и солнца блестели в предвкушении, да и ему самому не терпелось попасть внутрь.

Они вошли в прохладный вестибюль и прошли по дорожке к лифтам, недалеко от которых находилась неприметная дверь, ведущая на лестницу, сделанную для экстренных случаев. Всё было продумано до мелочей, Леонов остался доволен. Лифт мягко поехал вниз, туда, где располагались основные помещения с научным центром и апартаментами.

«Туда», – подумал Леонов, – «где я проведу остаток своей жизни».

В вестибюле на минус пятом этаже, выкрашенном в приятный глазу бежевый цвет, над входом в коридор мягко и как-то призрачно светилась табличка с надписью «Жилая зона» на двух языках, русском и английском.

Много лет назад, когда в проект вошли иностранные специалисты, все сразу договорились между собой, что будут общаться на стандартном английском. Леонову и всем остальным, хоть и с трудом, но пришлось выучить язык. Только профессор отказался от этой затеи, сказав, что переводчиком будет внучка.

– Мне спокойствие, а ей практика, – пригладив седые усы, тогда заключил он.

Служащий в новенькой выглаженной светло-серой форме, появившийся словно из-под земли, сообщил, что все их вещи уже доставлены и ожидают в личных апартаментах. Это был смуглый молодой человек с приятной улыбкой и гордой осанкой, вероятно, местный. Он искренне считал, что попасть в штат обслуживающего персонала было равносильно выиг-

рышному билету. Леонов вглядывался в серьёзно-важную мину на веснушчатом лице, как у ребёнка, который со всей ответственностью выполняет пустяковую просьбу, данную родителем, и старается изо всех сил, и завидовал ему.

– Сюда, пожалуйста, – затараторил юноша и поспешил открыть перед ними дверь. Коротко вздохнув, Леонов подхватил свою лёгкую сумку и направился вместе с остальными вслед за ним. Постепенно их маленькая компания таяла в туннелях, учёные один за другим занимали свои комнаты и устраивались. Леонов остался последним, кто ещё не увидел своих апартаментов.

– Для вас выделен отдельный кабинет, господин Леонов, – с улыбкой вещал юноша, – он находится в конце коридора.

Леонов шёл, внимательно рассматривая надписи на дверях. Они продвигались всё дальше, и, на мгновение, этот коридор показался Леонову бесконечным. Они миновали комнату отдыха, буфет и большую столовую за стеклянными дверями. Прошли ещё несколько этажей вниз, пока не остановились перед дверью с висящей на ней табличкой с именем Леонова.

– Ваши апартаменты, господин Леонов, приятного отдыха, – пожелал он и скрылся за поворотом.

Наконец, ученый остался один. Он тихо закрыл дверь и опустил сумку на пол. Прислонившись к холодному покрытию двери, учёный вздохнул.

Обстановка внутри его теперь постоянного жилища была аскетичной, как он и хотел: всё было выдержано в едином бежево-сером тоне. В углу располагалось рабочее место с компьютером, по бокам два книжных шкафа с разинутыми ртами пустых полок. Леонов прошёл дальше, во вторую комнату, где стояла кровать и шкаф для одежды. На прикроватной тумбочке горела небольшая лампа для чтения, и стоял свежий букетик каких-то синих цветов, названия которых Леонов не знал. Круглый плафон на потолке равнодушно взирал на него сверху своим выпуклым тёмным глазом. За перегородкой учёный нашёл санузел: персонал базы позаботился о наличии синего, такого же, как и покрывало на кровати, полотенца и двух кусочков мыла.

На первый взгляд всё выглядело очень удобно и гармонично: спокойные тона были подобраны специально, чтобы не отвлекать от работы, но Леонову пришлось приложить усилие, чтобы подавить в себе желание немедленно выбраться на поверхность и вдохнуть её пыльный и горячий воздух, вместо прохладного и очищенного кондиционером суррогата. Он встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, и подошёл к кровати. Леонов провёл рукой по покрывалу, оказавшемуся приятным на ощупь, скинул пыльные после дороги туфли и откинулся на подушку, заботливо принявшую его голову, в которой роились тучи беспокойных мыслей.

Он закрыл глаза.

– Приятных снов, Дракула, – пожелал он сам себе и заснул.

4

Старая картонная коробка с одним смятым углом стояла посреди комнаты. Леонов подвинул к ней стул, сел, провёл рукой по смятому картону.

– Эх, когда перевозили, наверное... – пробормотал Леонов.

Ничего хрупкого и бьющегося в ней не было: там лежали вещи, которые он сложил в эту самую коробку много лет назад, и оставил у Игоря на антресолях. «Кто бы мог подумать», – размышлял Леонов, – «что я снова буду разбирать их на своей собственной научной базе глубоко под землёй...»

Он доставал вещи, вертел их в руках, приветствуя их как старых добрых знакомцев и раскладывая на кровати. На самом дне коробки он обнаружил пожелтевшие от времени листы бумаги, сложенные в большую тетрадь с бардовой обложкой и золотым, чуть стёртым от времени, орнаментом на ней. Леонов на секунду замер, как будто не веря своим глазам. Ему каза-

лось, что он потерял записи, когда началась самая трудная работа по изучению того, что они нашли. Тогда он долго искал эту тетрадь, чтобы, как обычно, записывать туда всё, что вертелось в голове, но не смог её найти. Но вскоре интересная работа отвлекла его от грустных мыслей о потере.

«Наверное, я оставил где-нибудь, а Игорь нашёл и закинул к моим вещам в коробку».

Леонов бережно взял в руки исписанные неровными печатными буквами на старой машинке листы, положил на колени, пригладил помятые края рукой. Он улыбался и чувствовал, что обрёл потерянную много времени назад часть себя.

Старые записи. Начало всего.

Он просмотрел все листы сначала и до конца, а потом обратно. Чувство ностальгии захлестнуло его, понесло в прошлое, когда он был ещё на заре своих открытий, когда чувствовал себя как никогда сильным и смелым. Живым.

Когда ещё кровь кипела в жилах.

Когда убеждал людей идти за ним одним своим взглядом.

5

«16 июля 2002 года.

Выйдя из леса, по неизвестной тропе, еле различимой в густых травах, я вышел на укромную полянку. Было ощущение, что до меня здесь никто не бывал, во всяком случае, если и был, то очень давно. Как такое возможно? Я точно знаю, что ближайшая деревня всего в семи-восьми километрах от этого места.

Я не хочу думать о том, откуда я это знаю. Просто знаю, и всё. Не удивлюсь, если в реальности так оно и есть. Есть эта поляна, и есть путь к ней. Точно такой, как в этих снах. Запас удивления в моём организме, кажется, иссяк после месяца таких странствий. Я надеюсь, что во сне не брожу по квартире как лунатик и не передвигаю продукты в холодильнике... Всё это просто стресс и постоянные думы о прошлой работе и о прошлой жизни, но я не хочу, чтобы эти сны прекращались. Они как глоток свежего сибирского воздуха после смрада канализации.

Кстати, сказать, со времени начала этих снов, я стал чувствовать себя намного лучше, даже немного набрал вес. Так что больше я не похож на привидение, от вида которого постоянно шарахается моя соседка по лестничной площадке, если хулиганы опять выбили лампочку.

Настроение хорошее, хочу, чтобы сны стали приходить каждую ночь».

«19 июля 2002 года

Сегодня дошёл до края поляны и чуть не упал в расщелину, скрытую от глаз густой травой. Удивительно, как быстро поменялась местность, ведь идя через лес, я ступал по земле, а тут вдруг раз и камень, да ещё и с расщелиной. Она показалась в траве неожиданно, я уже стал переносить вес на ногу, которая была прямо над пропастью. Еле удержался, схватился за выступ и траву, в общем, что первое попало под руку. Я видел, как мелкие камешки слетели вниз из-под моего ботинка. Такой обуви у меня не было, это были новые походные ботинки с красной шнуровкой.

Проснулся весь в поту, изо всех сил цепляясь за одеяло. Знаю точно, что надо спуститься вниз.

Р. С. Порвал ногами простыню, надо зашить».

«21 июля 2002 года

Достал новое альпинистское снаряжение. Не знаю, как им пользоваться, но во сне делал всё быстро и проворно, как будто уже много раз занимался этим. В пещере было чертовски холодно, я помню, как мурашки бегали по спине, да и до сих пор пара-тройка пробежит, как вспомню, что делал. Фонарик освещал путь вниз, куда мне нужно было спуститься до заката, чтобы встретить как можно меньше всяких гадов вроде летучих мышей.

Там внизу, я знаю... там внизу ждёт разгадка. Чертовски хочется узнать, куда я иду и что я ищу, но теперь я жалею о своём желании видеть такие сны каждую ночь. Они стали сниться чаще, практически через ночь, и я боюсь, что, найдя разгадку, они прекратятся. И опять останется тоска и ничего кроме неё. К хорошему быстро привыкаешь.

Ни разу не приснилось то, что я хотел ещё раз увидеть, ни отдыха под облаками, ни костра, ни хоть какого-то привала. Во снах я не чувствую усталости, я знаю, что нужно продолжать идти, туда, где есть что-то важное.

И я иду».

«30 июля 2002 года

Это невероятно... у меня нет слов, чтобы описать, что я видел за всё это время! Моя настоящая жизнь, работа и вся эта рутина меня абсолютно перестала интересовать. Я живу на автопилоте, совершая одни и те же действия каждый день, только чтобы дождаться ночи, ведь, когда я засыпаю, я знаю, что там меня будет ждать МОЙ мир. Настоящий, тот самый, которому я на самом деле принадлежу. А, проснувшись, меня не покидает чувство, что всё это было по-настоящему... даже синяки и набитые шишки появляются на тех местах, которые я ушиб во сне. Хотя, может быть, я во сне ударяюсь о тумбочку или ещё что-то.

Теперь о самом главном. Я спустился в пещеру.

Там оказался длинный проход куда-то вглубь, довольно просторный, так что можно было идти не пригибаясь. Это удивительно, но у меня сложилось впечатление, что я вошёл в какое-то подземное рукотворное строение. Но когда оно построено? И кем?

Я долго шёл вперёд, спотыкаясь о камни скорее от волнения. Чувство близкой разгадки не покидало меня ни на секунду. Клянусь, моё сердце билось как у юнца на первом свидании с самой красивой девочкой класса! В конце пути пещера внезапно расширилась, и я вошёл в огромный грот, откуда-то сверху капала вода, я слышал гулкий стук капель о камни. Там было невообразимо красиво, хотя, единственным источником света был мой маленький фонарь. Мне кажется, что я видел всё вокруг каким-то особым зрением...

И ещё... возникло ощущение, что меня кто-то ведёт, кто-то направляет... я чувствую незримое присутствие какой-то... сущности. Это не описать словами, но порой, мне кажется, что кто-то стоит у меня за спиной или идёт впереди, указывая путь...

Впервые, проснувшись сегодня, я подумал, а вдруг всё это не случайно... Хотя я и учёный и привык верить только фактам, но эти сны... этот один большой сон, путешествие, как фильм, который мне показывают.

Я начинаю думать, что мне предстоит что-то сделать... пока ещё не знаю, что, но, возможно, что-то связанное с этими снами. Возможно, мне надо отправиться туда...

Только куда, туда?»

«5 августа 2002 года

Фонарик сломался, хотя батарейки в нём были полностью исправны, так же вышла из строя другая аппаратура... но я всё прекрасно вижу, даже, скорее, ощущаю и чувствую себя в этой пещере словно дома. Будто, некогда я ушёл оттуда, а теперь, много лет спустя вернулся. Самое странное, что ничего не вызывает у меня удивления. Я знаю, что всё пра-

вильно и так и должно быть. А порой мне кажется, что подобное со мной уже бывало... Прекрасное чувство спокойствия и безопасности не покидает меня.

В реальности для такой экспедиции мне понадобилась бы помощь нескольких человек, оборудование, верёвки, фонари. Я бы волновался и был готов ко всякого рода неожиданностям, но ТАМ всё это абсолютно неважно. Я обследовал каждый уголок грота и всей пещеры, прикоснулся к её стенам, как будто прикоснулся к чему-то живому... мне показалось, что камень двигался под моей рукой... пульсировал. Это было приятно, я ощутил приток каких-то сил, словно сама пещера подпитывала меня, наполняла жизненной энергией.

Обычно, под землёй в таких пещерах бывает наоборот: возникает чувство, будто из тебя высасывает все соки. Сколько раз мы радовались, как дети, выбравшись на свет божий из таких мест.

Но здесь... это прекрасно и необъяснимо.

Я жду главного знака, который укажет мне, где именно искать то, ради чего я сюда пришёл.»

«13 августа 2002 года

Я видел ЕГО.

Это совершенно точно! Он показался всего на секунду бесплотным духом, но я могу поклясться, что видел его! Он был огромен, могуч, выглядел как гигантский джинн из сказок об Алладине. Странно, даже смешно, но...

У него очень странные глаза. Казалось, что он видит меня всего, словно я сделан из стекла, всё моё прошлое, настоящее и, даже, будущее. Моё реальное прошлое, настоящее и даже то, что ещё не случилось. Он всё понял... он всё знал... Он сам был частью моего существования. Его взгляд, пронзающий насквозь, всё видящий и невообразимо мудрый... как я смог всё разглядеть за один миг... но в этот миг время остановилось. Я осознал, насколько это мощная субстанция, что мне стало страшно. Он сказал мне, точнее показал глазами, чтобы я не боялся. Он прекрасно знал, что я чувствую.

Даже пробудившись, я всё ещё ощущаю на себе этот взгляд, мне кажется, что это существо здесь, в каждом грамме воздуха.

Мне до сих пор немного не по себе...»

«16 августа 2002 года

Я привык к Его присутствию, он сам дал мне время на это. Теперь я знаю, что с самого начала пути и до последних дней нахождения в пещере Он вёл меня. Поначалу я лишь слабо ощущал Его присутствие, но во всей красе Он показался мне только в самой пещере. Он и есть эта пещера, и камень, к которому я прикасался... это было всё равно что прикоснуться к Нему самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.